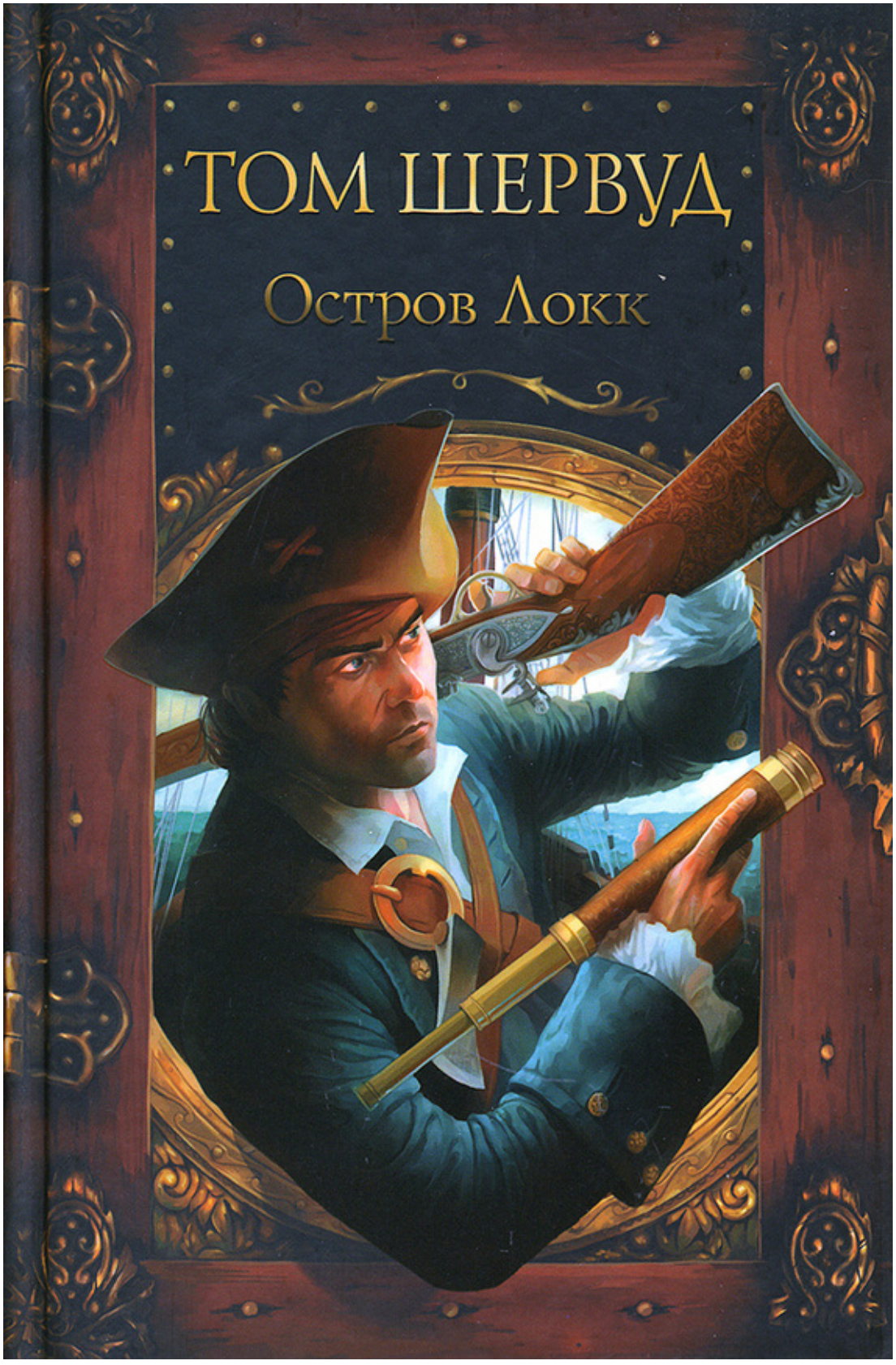
ТОМ ШЕРВУД
Остров Локк

Том Шервуд

Остров Локк

Серия «Сокровища ждут!», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153670
Остров Локк: Вече; Москва; 2010
ISBN 978-5-9533-4004-5

Аннотация

Англия, середина XVIII века. Сирота Том Локк живет в семье своего дяди. Любознательный и трудолюбивый, он узнает секрет керамического мастерства и строит собственную гончарную печь. Однако заработанные им солидные деньги становятся причиной ссоры, и Том уезжает в Бристоль. Богатый купец, оценив его мастерство и надежность, нанимает Тома на должность корабельного плотника. Во время путешествия корабль терпит крушение, а Том оказывается на необитаемом острове, где ему в одиночку предстоит спасти дорогих ему людей от злодейств Роман «Остров Локк» – первый из уже полюбившегося российским читателям цикла книг популярного писателя Владимира Ковалевского (Том Шервуд) о жизни и необыкновенных приключениях мастера Томаса Локка Лея, плотника и моряка из Бристоля.

Содержание

Предисловие автора 4
Пролог 8
Пролог, постскриптум 9
Глава 1 12
У дяди Джо 13
Мастер Том 16
Глава 2 18
Хитрые скупщики 19
Моя комната 21
Одноглазый 22
Глава 3 25
Уловки мастера 26
Булат 29
Весна 31
Холодный огонь 32
Генри 35
Глава 4 37
Как сбываются мечты 38
Лев с кинжалом 40
Шторм 43
Глава 5 45
На острове 46
Волшебный сундук 50
Сокровища каюты 52
Глава 6 54
Новые находки 55
Дело не ждёт 58
Бескровная схватка 59
Конец ознакомительного фрагмента. 61

Том Шервуд
«Остров Локк»

Меж мачтами висит гамак.
Уносят порох канониры.
Заморский курится табак.
На парусах латают дыры.

Готовят мёртвых капелланы
Отправится в иной приют.
Живые ромом моют раны
И, морщась, песенку поют.

Предисловие автора

Мои любезные читатели! Открываю вам тайну, которую в глубинах сознания каждый из нас знает: смерти нет.

Нет бездны, которая много веков наполняла чёрным ужасом нашы душы. А есть чюдесное и благодатное: дверь из тюрьмы на волю. Хотя мне больше нравится метафора Ричарда Баха: «То, что гусеница называет смертью, люди называют бабочкой».

Да, любой жывущий на Земле человек однажды, сидя на облачке и болтая ножками, выбирал, внутренне соглашался с путешествием в прекрасный и чюдовищный мир с названием «земной путь». Выбирал, зная, что в будущем физическом теле его почти наглухо закроется память об истинных законах Вселенной, о своём прошлом и о себе самом. Соглашался, принимая на себя экзамен на личную нравственность. Чтобы, пройдя земной путь не нарушая этики, вернуться в ангельские миры навсегда. Или, натворив бед, свалиться в миры возмездия, и потом снова и снова отправляться на великий экзамен. Именно об этом говорит одна из главных православных молитв «Символ веры»: «Чаю воскресения из мертвых, и жызни в будущем веке. Аминь.»

И вот тут человека подстерегает опасность. Коварная, цепкая! Чем больше накоплено воплощений, чем больше земных дорог пройдено, – тем больше масштаб личности, тем прочней и надёжней способность устраиваться и добиваться воплощенья желаний. Владеть уловками мира людей, хватать и копить деньги, давить тех, кто менее опытен и расторопен. И, когда приходит роковой час, дверь из тюрьмы раскрывается… в следующую тюрьму. Потому что миру ангельскому необходимы кротость, деятельная любовь, доброта. А у «успешного» человека лишь деньги, власть, знатность. И невозможно совместить первое и второе! Пронзительно прав был Михаил Афанасьевич Булгаков: «Двум богам служить нельзя».

Да, на Земле нас ждут сокровища. «Каждому – по вере его». Кого-то ждут те, что в кошельках или сейфах. А кого-то – такая далёкая, такая манящая полуослепшую душу дверочка в небо. Блажен, вспомнившый кто он и зачем здесь, – пусть даже для этого потребовалось сто воплощений земных, которые прошол, например, один из известнейших мудрецов древности Арий-сто-тел. Дарите людям то, что в состоянии подарить, и от ангелов придёт

дар ответный. Глубинной памяти, любви, целительства, ясновидения, творчества, мастерства. Дар, который впоследствии станет волшэбным ключиком к золотой дверце. Дарите, начав хотя бы с крошки хлеба для птицы или блюдца молока для бездомного котёнка – они наполняют наш мир ласковой нежностью столько веков! Ведь жывотное – не от слова жывот. «Жыв-от-Ноя».

От всего сердцадарю вам то, что я могу подарить: историю событий прошлых веков, повлиявшых на мой сегодняшний жызненный путь. Уверяю вас, мои любезные читатели, открывшые мою первую книгу, «Остров Локк»: крыса действительно приснилась мне в ту давнюю ночь. И все события, которые произошли после этого – они действительно были. И сегодня, когда осведомлённые люди спрашывают меня – «откуда такое знание деталей старой Англии?» – я даю единственно возможный для меня ответ: «просто помню».

Это не моё личное чюдо, а всем доступный аспект духовной работы. Проблема в том, что весьма затруднительно говорить о реинкарнацыях в стране, пережившей семьдесят лет расстрельного атэизма. Где не понимают, почему человек, погружонный в гипноз, легко говорит на иностранном языке, которого не изучал. Где в школах преподают арифметические труды Пифагора, но никоим образом не упоминают, что Пифагор написал книгу о своей предшэствующей жызни. Где на уроках литературы изучают творчество Дантэ, Гомэра и Гётэ, но глухим молчанием обходят утверждаемый ими аспект многочисленности миров и «многожызненности» человека. Строка Анны Андреевны Ахматовой «… В то время я гостила на Земле…» не получает внятного объяснения, как и замечательное по своему откровению стихотворение Михаила Юрьевича Лермонтова «Ангел».

Эта ситуацыя оставляла бы и далее наше духовное зрение безнадёжно тусклым, если бы на кромке тысячелетия не появилась потрясающая книга Даниила Леонидовича Андреева «Роза мира». Горячё рекомендую её всем, кто желает убедиться, что наша сегодняшняя жызнь – это всего лишь один день из громадной, безконечной жызни безсмертного «Я».

Способностью припоминания владеет каждый человек. Любой из нас хоть однажды чувствовал проблески глубинной памяти. Случайный запах, который невозможно назвать точным словом, но который в то же время необъяснимо знаком! Ситуацыи, которые внезапны, единственны, но которые уже были! И некоторые лица, и некоторые голоса. Учёные медики, не сумевшие доказательно объяснить этот факт, просто назвали его: «Дэжа вю» (буквально, с французского – «уже виденное».) И сегодня трудно описать этот феномен точнее и лучше, чем Дэниз Линн в книге «Прошлые жызни и нынешние сны» (Издательство София, 1997 г.)

Кто из нас наделяет хоть какой-либо ценностью случившыйся с ним эпизод «Дэжа вю», эту подаренную ему Вселенной золотую искру? Кто немедленно заводит дневник и подробно записывает все нюансы секундного состояния, и мысли, и чювства, и ситуацыю, в которой этот случай произошол? Кто день за днём думает об этом, всматривается в себя? Кто записывает приходящие после этого сны? А всё просто: если задержать в сознании вспышку далёкой памяти, она однажды обязательно повторится, а затем ещё и ещё, и этот процэсс неизбежно станет вашым главным сокровищем. Однажды придёт день, когда самоцветные камушки волшэбной мозаики соединятся в объёмную, законченную картину. И тогда, например, простой московский студент, а потом уединённый феодосийский садовник Владимир Ковалевский, не имея никакого литературного образования, напишет серию книг о тех временах, когда он имел другое имя: «Том Шервуд».

Именно сейчас, в истоке новой эпохи, крайне важно развивать в себе способность вспоминать сверхдалёкое. У японских самураев есть загадочный термин: «Кюдо». «Путь лука». Самые лучшые стрелки, те, которые изумляют точностью попаданий, говорят, что «стреляют не они. Стреляет кюдо». На самом деле стреляет именно владеющий луком, но владеющий им *не первую жызнь*.

И, едва только придут начальные успехи в припоминании сверхдалёкого, как вы почувствуете, что внутри вас вспыхнул волшэбный свет. Сияющий, необъяснимый.

Волшэбным светом предопределится выбор именно того ремесла, которым вы занимались в прошлом существовании. Музыкант, художник, каменщик, доктор, лозоходец, повар, астроном, садовник, учитель – становится знаменитым и обезпеченным, если выбранная им профессия опирается на драгоценнейший капитал: его прошлый опыт, объёмом в целую жызнь. Это позволит прожыть сегодняшний отрезок судьбы в благополучии и достатке, вырастить не знающих нужды детей и дать им отменное образование, а также наполнить мир своим ощющением покоя, благополучия, счастья, добра.

Волшэбный свет подарит вам прикосновение к любви высокой, – а это непередаваемое, высшее счастье, – если на жызненном пути встретите человека, который *уже был* вашым супругом. Который любил вас, заботился о вас, с которым вы вместе трудились и преодолевали неровности быта, благоустраивали жылище и поднимали детей. Этот *узнанный* вами человек наполнит судьбу вашу смыслом, сделает жызнь желанной. Не страшно ли вообразить, что вашым избранником станет человек случайный, а стало быть – чюждый, и вскоре дом ваш наполнят ссоры, а значит – и невыносимое состояние душэвного гнёта? И дети ваши со скорбью и плачем вынесут трагедию развода родителей! Давайте вспомним «Евгения Онегина», и пережывём ещё раз отчаяние людей, когда мужчина вовремя не вспомнил, не разглядел в жэнщине родное ему сердце: «Но я другому отдана, И буду век ему верна».

Волшэбный свет навсегда избавит вас от врагов и недоброжелателей тем, что поможет осознать, *почему* на вашем жызненном пути встречаются подобные люди. Достаточно научиться терпеть и прощать, – и тогда ненависть, раз за разом запускающая в орбиту вашей судьбы тяжолые встречи, потеряет свою роковую силу.

Волшэбный свет поможет человеку, вспомнившему своё прошлое, преодолеть гнёт кармы, поскольку человек этот более не совершыт ошыбок, за которые однажды понёс возмездие. Тот, кто поймёт соотношэние тёмной и светлой сторон нашего мира, будет стремиться наполнять этот мир любовью, добротой, милосердием.

Волшэбный свет по-новому высветит для нас то, чего нет: конечность жызни. И тот, у кого уходят в «последний» путь дорогие, близкие ему люди, не станет цепенеть от невыносимой душэвной боли, зная, что по прошэствии лет они встретятся. В мире небренном. В месте, лишонном страданий. На том самом облачке.

Волшэбный свет одарит вас невероятной находкой – пониманием того, что нет занятия более удивительного, более интересного и потрясающего, чем нескорое, но безусловное припоминание – кто именно из ваших сегодняшних друзей был близким другом и в прошлой жызни.

Этот волшэбный свет вспыхнет сначала в одной стране, и, прочтёте вы или нет знаменитую речь Фёдора Михайловича Достоевского в Государственной Думе, но всё же однажды увидите, что источник нового мира, Золотого Века Земли, возникнет в России.

В небывалую даль отлетит горизонт, ограничивающий ваше сознание, и иным зрением вы увидите мир огромный, сияющий, вечный. Я настаиваю на реальности событий, увиденных мной *таким* зрением. Да, аббат Солейль, в одиночку восставший против инквизиторского трибунала, встретился с небесным рыцарем, которого звали Глем. (Книга «Серые братья», глава «Магистратские алебарды») Иероним Люпус действительно зрел тень ангела

мрака в пыточном подвале (книга «Серые братья», глава «Трон палача»), и так же реально всё произошедшее с ним в посмертии (книга «Адония», глава «Киносарги и Глем») И уж безусловно имело место быть творчество Доминика в мире поющих цветов (Книга «Адония», глава «Солнечный свет»)

Он близится – давайте верить в это! – обещанный мудрецами прошлого Золотой Век Планеты. Уже сегодня мы изжываем наследие тяжких времён. Уже сегодня мы понимаем, что не нужно собирать жывых людей в армии и обучать их убийству. Пусть возвращаются к домам, садам, жонам и детям! По всей планете одновременно. Скоро мы согласимся с тем, что терроризм нельзя победить, *борясь* с ним. Он сам исчезнет – как только на земле не останется ни одного ребёнка, которого добрые взрослые знакомят с жестокостью, унижением и несправедливостью. Убеждён, это единственная формула решэния данной проблемы: «если хотите избежать встречи с террористом – сделайте его детство счастливым».

Скоро на земле исчезнут болезни. Не будет бедности. Истает преступность. Не останется войск и солдат. Страны перестанут быть государствами, а объединятся в общепланетное Братство.

«…Мы услышым пение ангелов, мы увидим всё небо в алмазах, мы увидим, как всё зло земное, все нашы страдания потонут в милосердии, которое заполнит собою весь мир…» (Антон Павлович Чехов.)

И, если не мечтать об этом, не создавать что-то во имя этого, то зачем тогда жыть?

Владимир Ковалевский, феодосийский писатель;
а перед этим – мастер Том Шервуд, корабельный плотник;
а перед этим – самурай Тагава, стрелок из лука;
а перед этим – брат Люцый, палач инквизиторского трибунала,
а перед этим – писарь Аман, работник дворца фараона.

Пролог

Ночью мне приснилась крыса. Острое рыльце выставило на меня из серого угла блескучие бусины глаз, и в бусинах этих не было и тени боязни. Колкие нитки усов её хищно подрагивали. Точный знак, что днём будут неприятности, точный.

Пролог, постскриптум

Продравшись сквозь ватные клочья жутковатого в своей реальности сновидения, я полежал немного, успокаивая летящее в галоп сердце. Потом, поёживаясь, вытолкнул себя из-под тёплого одеяла в прохладу комнаты, сунул руки в рукава халата, ноги – в войлочные туфли и прошлёпал наверх, в кабинет, где хранил оружие, золото, магистратские деловые бумаги и где всегда чувствовал себя уверенно и спокойно.

Отомкнул замок, отворил дверь, вошёл. Сквозь незашторенные окна виднелось хмурое бесцветное небо, роняющее вялые дождевые капли. Зябко, сумрачно. Холодный камин безмолвно кричит что-то округлой каменной пастью. В ней – пара обугленных поленьев и горка остывшего пепла. Если повезёт, то там, в глубине этой горки можно отыскать живые ещё угольки и раздуть огонь. Тогда не придётся вынимать обе руки из нагретых карманов и клацать кресалом по кремню. Я разворошил золу. Есть! Тускло мигнули две красные точки. Положив на них ком сухого мха и охапку коротко нарубленных веток, я уселся за свой письменный стол и, наблюдая за растущим столбиком дыма, принялся ждать обещанных неприятностей.

На столе белел раскрытый дневник. Я взял перо, соскоблил с него ломкую плёнку засохших чернил, ткнул в чернильницу и вывел: «*Бристоль*». Потом сегодняшнее число: «*Пятое сентября 1777 года*».

Счастливым был год для меня. Три семёрки… А вот день будет с нехорошим сюрпризом, уж точно.

Внизу, под расположенным в мансарде кабинетом, понемногу просыпался мой дом. Мэри Бигль, вдова Уольтера Бигля, воцарилась на кухне, и моего лица достигли ниточки аромата свежего кофе. В коридорах послышалось короткое, невнятное слово, и звук этого голоса заставил сладко замереть моё сердце. Из ванной донеслись жестяной стук таза, плеск воды и попискивание: встали дети – Алис, Уильям и Мартин. Прозвенел дверной колокольчик – пришёл угольщик. Снова послышался голос Эвелин. Негромкий утренний рокоток в столовой. Раскрылась дверь (я услышал, как на улице по булыжнику прогрохотали колёса чьей-то повозки) – захлопнулась дверь: дети умчались по своим важным делам. Тишина. Сладкий плен одиночества.

Так заведено: пока я в кабинете, меня не потревожат, никто и ничем. Разве вот это единственное – негромкий одиночный стук в дверь. Я встал из-за стола. Подошёл к камину, положил в расплясавшийся огонь сосновых полешек. Вдоль стены, заставленной шкафами с книгами, прошёл к двери, открыл её. За ней, у лестничных перил притаился лёгкий переносной столик. Чашечка кофе исходит горячим паром. На овальном блюде – жёлтый веер из тонких полосок сыра, два кубика масла, дюжина маслин, листья салата в крупных каплях воды, продолговатый, дышащий паром холмик картофельного пюре и долька лимона. Рядом с блюдом – тарелка с крепко поджаренными бело-рыжими хлебцами. Кружка с водой. Судок с красным соусом. Салфетка из выбеленного хлопка. Нож. Вилка.

Что ж, если ожидать от жизни обещанных сном неприятностей, так уж с комфортом. Я занёс столик в кабинет, запер дверь, опустил ключ в карман, подложил в камин толстую чурку, сел завтракать.

И вот, кажется, началось! Быстрый топоток на лестнице, осторожная возня у двери. В замочную скважину вставляется ключ, хрустят и щёлкают пружинки в замке, открывается дверь. Это мой младшенький, шестилетний Мартин. Кроме меня, только у него имеется ключ, но и ему разрешено входить сюда лишь в исключительных случаях. Если читающий эти строки не очень болтлив, то я признаюсь: Мартин прибегает сюда плакать.

Он входит, человечек с большой круглой головой и тонкими ножками, притворяет дверь, отворачивается к книгам. Следуя негласному уговору, я молча выхожу из кабинета. Проходя мимо, успеваю заметить ссадину на локте, краснеющую сквозь порванный рукав, вспухшую губу и добротный, полновесный синяк.

Внизу меня встречают любовь и тепло. Эвелин, моя милая жена, подходит сказать мне «доброе утро» и наполняет мир теплом своих рук, ароматом волос и светом улыбки. Миссис Бигль, низенькая круглая старушка, спешит за моими уверениями, что завтрак прекрасен. Восьмилетний Уильям, наш с Эвелин первенец, приложив руку к груди, степенно кланяется мне (а кожа-то на костяшках пальцев содрана!). Алис, любимица, пятилетняя маленькая лиса, чистюля, умница, вцепившись ручками в мой пояс, принимается подпрыгивать, стуча деревянными башмачками, задрав ко мне свою очаровательную мордашку.

Все рады друг другу, все счастливы – казалось бы, всё хорошо! Но я-то понимаю, что идиллия призрачна. Дети находятся дома, хотя обычно в это время их ничем не заманишь с улицы. У Эвелин тень заботы в глазах. Да и крыса просто так не приснится.

– Давайте-ка, – произнёс я, – перестанем делать вид, что ничего не произошло. Давайте устроим семейный совет, прямо сейчас.

– В кабинете? – Мгновенно откликнулась Алис, отводя вспыхнувшие глазки, на личике (лиса, лиса!) – томное безразличие.

– Что ж, если дело стоит того…

Не дав мне договорить, дети наперегонки припустили вверх по лестнице.

Объяснение было недолгим, а причина несчастий – проста и понятна. Пока Мартин, маленький боец, замазывал жгучим бальзамом (я сам, мамочка!) ссадину на локте, Алис, как самый осведомлённый в уличных делах человек, выложила всё.

– Это соседские мальчишки! Они кричали, что у нас папа – пират, нападал в море на корабли и грабил. Больше всех кричали Билли и Джейкоб, а Уильям и Мартин им бац! Бац!..

Она умолкла, быстро взглянула на братьев и потухшим голосом продолжила:

– А им тоже – бац, бац…

– Почему же пират-то? – вслух удивился я.

– А они кричали, что их папы говорили, что мастер Лей ушёл в море бедным, совсем бедным. А пришёл с моря самым богатым. Так только пираты могут быстро награбить денег. На какие, кричат, деньги, Томас Лей купил имение «Шервуд»?

(Это моё «Лей» вы на любой язык переведёте как «простак».)

– И оружие, – сдержанно вздохнул Мартин.

– Какое оружие? – удивился я.

– Вот это! – пальчик Алис устремился к стене.

(Шпаги, пистолеты, мушкет, абордажные сабли.)

– Отец Джейкоба говорил, что так много оружия бывает только у злых пиратов, – пояснил Уильям.

– Но я же рассказывал вам, откуда это оружие! И про Белый остров рассказывал, и про пушки из-под воды, и про жемчуг и золото!

– И мы Билли и Джейкобу рассказывали, – снова вздохнул Мартин. – Но они нам не верят.

Вот здесь-то мне и пришла в голову эта невероятная, нежданная мысль и, увы, так и не научившись за всю свою жизнь быть сдержанным в обещаниях, я выпалил:

– Сегодня же начну писать книгу!

– Книгу?! – мгновенно вонзила в меня взгляд лисонькиных любопытных глазок Алис.

– Книгу? – удивлённо-одобрительно произнёс Мартин.

– Вот как? – оценивающе сдвинул брови Уильям.

– Да! – я продолжил упрямо погружаться в болото. – Напишу книгу про свой поход к Южным морям! Про старый сундук, Дикое поле, погони, пиратов, пламя на реях! Про жемчуг, порох, пушки, золото, дым над водой! И когда эта книга будет продаваться во всех городах Англии – никому уже не придётся гадать, откуда у меня земля, замок и состояние! И никто больше не крикнет вам, что вы – дети пирата!

Я решительно прошагал к столу, сел и достал из ящика большую стопку дорогой белой бумаги. Притихнув, как мышки, на носках, осторожно ступая, дети вышли из кабинета. И уже там, за дверью, с грохотом посыпались вниз по лестнице поскорее сообщить всем такую неожиданную, такую важную новость.

Глава 1
Глиняный мастер

Слово дано. Но легко сказать – написать книгу! Не имея представления о предмете, не зная литературных основ… Авантюра! Ведь литераторство лишь на первый взгляд дело лёгкое. Я припоминаю: там существуют суровые законы и правила. А какие из них мне известны? Да никакие!

Никакие. И, тем не менее, по причине неосторожно данного слова, взяв в помощники лишь дерзость, граничащую с нахальством, и память, хранящую для меня все мои приключения, я берусь описывать эти приключения, даже самые страшные, добросовестно и правдиво.

У дяди Джо

Я, Томас Локк Лей, родился двадцатого декабря тысяча семьсот сорок четвёртого года.

Рос я в семье своего дядьки, фермера Джонатана Лея, дважды женатого и имевшего от двух браков шестерых детей. Родителей своих, Локков, я не знал и не помнил, со стороны же окружавших меня людей сведения о них были весьма скудны. Всё сводилось к тому, что корабль, на котором они плыли, не пришёл в порт.

Первая жена Джонатана, миссис Молли Лей, называла меня «сироткой» и не сказать, чтобы баловала, но с какой-то скрытой теплотой выделяла среди троих своих детей. Она умерла, когда мне было пять лет.

Вторая жена моего дядьки, Бэсси, была молода и миловидна. Джонатан взял её из очень бедной семьи, хорошо знавшей, что такое нужда и голод, так что Бэсси весьма рачительно вела хозяйство. На мой взгляд, она была просто скупа и прижимиста, но в глазах Джонатана, однако, это являлось достоинством, поскольку сам он был в известной степени любитель повеселиться в дружной компании. Детей Бэсси делила на «Моллиных» (включая меня) и «своих».

Соседи наши, как и все мелкие собственники земли, имели две возможности: или увеличить свои владения и выжить, или разориться, продать землю и сделаться наёмными работниками. Джонатан, на моё счастье, относился к первым. Он был обжора и весельчак, с этим не спорю, а с возрастом и вовсе приобрёл манеры важного лорда, но ко всему тому он имел рациональный ум, смекалку, и – очень любил крестьянский труд, очень. У него всегда лежали денежки про запас и, как только кто-то из соседей смирялся с неизбежностью продать землю, он был тут как тут.

Всё началось зимой тысяча семьсот пятьдесят девятого года, когда мне исполнилось пятнадцать лет. Наш дальний сосед, Джек Бэзли, готовил к продаже большой участок земли. Джонатан, в случае приобретения этой земли, имел время на подготовку её к весенним работам, а уже осенью получил бы с неё изрядный доход. Но тут вмешалось второе заинтересованное лицо. Некто Осмунд Фельтэм тоже пожелал купить этот участок для постройки большой суконной мануфактуры.[1]. Сложность ситуации была в том, что Бэзли хотел продать землю именно моему дядьке, поскольку, становясь коттером[2], он нуждался в постоянной работе, и эту работу, в благодарность за проданный участок, рассчитывал иметь у Джонатана. Но суконщик Фельтэм, подняв цену, вполне мог участок перекупить.

Дядька быстро собрал и отправил меня к одному из своих родственников в Бристоль, с просьбой о денежной ссуде, поскольку наличных средств для этой неожиданной конкуренции не хватало.

У родственника было собственное ремесленное производство: он лепил черепицу и фигурные кирпичи для кладки каминов. Здесь, в Бристоле, я сделал неоценимый подарок самому себе. На правах близкого человека я совал нос всюду, помогал где и кому только мог, и за те три дня, на протяжении которых собирались деньги для Джонатана, я узнал всё о набивке глины и обжиге её в печи. Кроме того, мне стали известны затраты на производство этого товара и его перевозку. (Секреты ремесла всегда и везде тщательно оберегаются, но передо мной не таились: я был свой.)

Когда я вернулся в нашу усадьбу, у Джонатана были гости. За столом перед ним сидел наш конкурент, сам Осмунд Фельтэм.

---

[1] Мануфактура – фабрика

[2] Коттер – безземельный крестьянин.

– Мистер Лей, – говорил гость, – вы же разумный человек. Сейчас, когда в Англии существует запрет на ввоз индийских тканей, я на своём сукне имею большие деньги. Сукно – прибыльное дело, и оно заставляет расширяться. Мне нужна эта земля. Конечно, вы можете участвовать в торге, и тогда мне придётся заплатить гораздо большую сумму, чем я предполагал. Но этот участок я куплю во что бы то ни стало. Вы же приобретёте озлобленного из-за вашего упрямства соседа.

– Что же, вы предлагаете вот так просто отказаться от покупки, которую я ждал столько лет? – задумчиво поинтересовался Джонатан, запуская свои толстые пальцы в рыжеватую бороду.

– Нет, – помедлив, ответил гость. – У меня другое предложение. Знаете южный край этого участка?

– Там, где овраг?

– Там, где овраг. Забирайте себе эти два акра. Бесплатно. У меня они всё равно будут пустовать. А мне позвольте купить участок по сегодняшней, низкой цене. Подумайте до завтра, и кончим дело по возможности мирно.

Гость попрощался, взял шляпу, накинул редингот, поклонился и вышел.

Долгое время Джонатан был задумчив и молчал, не обращая внимания на меня. Но всё же я решил обратиться к нему:

– Дядя Джо, я знаю это место.

– Я тоже знаю, сынок. Глиняный овраг, ручьишко внизу. Бросовая землица, пустая. А всё же придётся взять – участок он всё равно перекупит. Богатый джентльмен этот Осмунд, богатый.

– Дядя Джо, этот овраг может приносить деньги.

Он пристально посмотрел на меня, пригладил всклокоченную бороду, сел.

– Ты, Томас, всегда удивлял меня тем, как ты думаешь. Мои-то сынишки так не умеют, не дал Господь. Да и сам я – убей меня гром – не знаю, что с этим овражком можно сделать!

– Вода и глина, дядя Джо. Там можно поставить печь и делать кирпич или же черепицу.

– Погоди-ка, сынок, – перебил он меня, – а где взять мастера? Подсобных рабочих? Куда возить на продажу, по какой цене?

Я оживился, подсел к столу, отодвинул какую-то посуду.

– Мастера искать не нужно, я знаю все секреты формовки, набивки глины и обжига. Подсобные работы настолько просты, что с ними справятся ваши три сына. Так что здесь не будет ни пенса расходов, разве только на уголь…

– Куда возить продавать? – коротко и деловито спросил Джонатан, тоже двигая по столу посуду.

– И возить не нужно. Всё продадим здесь, на месте.

– Кому?!

Я от волнения сделал паузу, оттянул пальцем завязанный на шее платок и выложил:

– Осмунду Фельтэму.

Какую-то минуту дядька сидел с выпученными глазами и приоткрытым ртом, на мой взгляд, нарочно чуточку преувеличивая изумление. Затем он свёл пальцы в пухлый кулак и бабахнул этим кулаком по столу, выкрикнув:

– Убей меня гром!

Он вскочил и забегал вокруг стола, загибая пальцы и приговаривая:

– За мастера не платить, за рабочих не платить, за перевозку не платить… У нас будет самая дешёвая черепица в графстве! Упрямый джентльмен подсчитает расходы на кровлю для своей мануфактуры, сравнит с нашей ценой и купит черепицу у нас!

– Но, дядя Джо, мы не станем продавать ему черепицу.

Джонатан замолчал, вернулся за стол и, недоверчиво покачивая головой, спросил:

– Что ещё, сынок?

– Мы продадим ему всю кровлю, целиком. Понимаете, дядя Джо, чтобы сделать форму для черепицы, нужно знать секрет, как одна сцепляется с другой. А если мы знаем этот секрет, то сами можем выложить кровлю.

– И взять денежки ещё и за это!

– И взять денежки и за это.

Посерьёзневший Джонатан поднялся, принёс перо, чернила, бумагу и мы занялись расчётами.

На следующий день Джонатан Лей получил в собственность участок земли с овражком, а также заключил подряд на все кровельные работы на мануфактуре Осмунда Фельтэма.

– Теперь не подведи, – сказал он мне за ужином, показывая подписанные бумаги.

Затем сообщил всем домашним:

– Так вот, у сыновей Лея появилось собственное дело. Какая бы ни была прибыль, Томас получит половину. Другую половину, – он посмотрел на троих своих сыновей, – разделите вы. И поверьте мне, это будут немалые деньги!

С мальчишеским азартом мы взялись за работу. Я мастерил формы для черепицы, а двоюродные братья разбирали отданную нам старую конюшню, очищали и складывали кирпичи. Помимо этого мы заготавливали древесный уголь, известь, бегали к оврагу и колышками размечали место.

Весной мы поставили печь.

Точнее, здесь у нас был целый городок. Навес над печью, сарай для замеса и формовки глины, площадка для черепицы. Джонатан ни разу не появился у нас, хотя бы посмотреть, как идут дела. Всё, что мы делали – мы делали сами.

Непередаваемую радость принёс нам день, когда мы вынули из печи первую партию черепицы. Настоящие, рыже-красные, шершавые, звонкие пластины. Одну из них мы принесли домой, и Джонатан долго вертел её в руках, приговаривая:

– Ах, сынки, ах, деточки…

(А что там, ну, черепица. Всего-то забот – увидеть и перенять чьё-то ремесло.)

Летом, когда стены мануфактуры Осмунда поднялись на нужную высоту, моя мальчишеская команда принялась за кровлю. Нас сопровождали насмешливые выкрики скалящих зубы отставных матросов, нанятых на работу Фельтэмом, но мы отмалчивались.

Разумеется, нужен был кто-то умеющий ставить стропила, и мы нашли его – плотника, одинокого старика, который сидел без пенса в кармане и чрезвычайно нуждался в работе.

За три недели мы выложили кровлю над мануфактурой и прилегающим жилым бараком. Ещё две недели ушло на домик для управляющего и подсобные постройки. На следующий день после окончания работ произошли два события, одно из которых было совершенно неожиданным. Во-первых, нам выплатили целую кучу денег. Во-вторых, от совсем неизвестных людей мы получили два новых заказа на кровельные работы.

Мастер Том

Итак, мы получили новые заказы на нашу черепицу, и впервые в обращении ко мне прозвучало слово «мастер». Этим словом жизнь сказала мне: «ты существуешь».

Мы трудились до поздней осени, пока дожди не стали мешать кровельным работам. Ну а после первых заморозков, сковавших глину, мы остановили печь.

Наконец, настал день, когда мы подвели итог. Вечером, после ужина, Джонатан отослал из столовой женщин и устроил семейный совет. На столе тусклой горкой лежали заработанные нами монеты. От них отняли деньги, причитающиеся старому плотнику, и всё равно осталась значительная сумма. Её разделили, как и было оговорено: половину мне, вторую половину – трём моим помощникам.

Наш плотник, получив расчёт, дрожащим голосом признался, что не ожидал такой щедрости. Он немедленно бросил своё нищее хозяйство и уехал в Бристоль. (Через какое-то время он прислал мне письмо, в котором сообщил, что на паях открывает мастерскую по изготовлению мебели, и просил по этому случаю небольшой кредит. Я тотчас передал ему денег, а когда он их возвращал, то прислал в придачу изящный ларец из красного дерева с отделениями для монет и деловых бумаг.)

Но это случилось зимой, а пока меня ожидало крайне неприятное событие. Бэсси, узнав о том, сколько денег я получил, впала в неистовство. Она перестала разговаривать со мной, в обращении же с домашними выбирала между злостью и яростью. Дом затаился. Высшего напряжения ситуация достигла в один из вечеров, когда Бэсси потребовала, чтобы я вносил деньги за питание. Тут мы увидели второе лицо добряка Джонатана. Его рык разнёсся по всему дому! Он побагровел, вцепился пальцами в край стола и принялся бросать в лицо опешившей жене гневные выкрики, из которых я запомнил лишь то, что дело придумал Том, и организовал его Том, и сыновья Лея имеют теперь кучу гиней[3], да в придачу – бесценный опыт самостоятельных поступков во взрослой жизни, и что, наконец, сам шериф, начальник графства, произнёс однажды: «мастер Томас Локк Лей». (Враньё, конечно.)

Жизнь в доме после этого стала спокойней, но напряжение не исчезло. Не спасло даже то, что остатками черепицы мы покрыли несколько скатов на наших собственных дворовых постройках. Как нарочно, в течение зимы к нам несколько раз поступали заказы на черепицу, и неизбежные разговоры о будущих доходах приводили Бэсси в состояние тихого бешенства.

В декабре мне исполнилось шестнадцать лет.

Артель моя отработала ещё одно лето, и наступила уже ожидаемая мною развязка. Как вода подмывает каменную стену, так Бэсси сточила мужа. Осенью, после завершения всех работ, снова пришла пора подводить итоги. Мы выложили на стол вырученные деньги, и Джонатан от имени всех сделал мне предложение – забрать всю эту сумму себе… и выйти из дела.

– Пойми, Том, – говорил он, – самому и стыдно, и тяжело, но выхода нет. Бэсси считает, что ребята вполне уже сами могут делать черепицу, и здесь она, наверно, права. А у тебя набирается солидный капитал, да плюс твоё умение думать – ты придумаешь и откроешь новое дело!

Помощники мои молчали, пряча глаза, ждали, что я отвечу. Джонатан вздохнул и закончил:

– А иначе Бэсси не даст нам житья, убей меня гром…

Это было нехорошо. Это было неправильно. Даже если жена не даёт тебе жизни – это не оправдание. Возникли сложности – так прикрой лавочку вовсе, но не предлагай принуди-

[3] Гинея – золотая монета.

тельного отступного с тем, чтобы забрать чужую идею себе! Сам я так никогда бы не поступил. Однако вслух я как можно спокойнее сказал:

– Очень хорошее предложение. Я принимаю его.

После этого встал и всем четверым крепко пожал руку. Все облегчённо вздохнули, заулыбались, виновато переглядываясь. Джонатан достал кожаный мешочек и, ссыпав в него монеты со стола, протянул его мне. Звонкая тяжесть наполнила мою ладонь. Одновременно с этим в груди поднялось щемящее чувство грусти: я принял решение покинуть дом родственников, чтобы не быть причиной раздора.

Глава 2
Столярное ремесло

Я уехал на другой же день. Быстро, чтобы не дразнить Бэсси суммой увозимых денег. Однако перед этим, поздно вечером, поговорил с Джонатаном. Я предупредил его, что будущее черепичного дела не так уж безоблачно. В нашей округе мы обслужили почти всех, кто мог платить за черепицу, возить же на дальние расстояния не имело смысла – наш товар не выдержал бы конкуренции с тем, например, что производили мастера вроде бристольского родственника. У них были свои, «прикормленные» заказчики и клиенты. Поэтому нужно искать новую идею – куда приложить деньги и опыт. Но Джонатан, как мне показалось, расценил моё предостережение как проявление обиды, и не поддержал разговора.

Хитрые скупщики

Осенью тысяча семьсот шестьдесят первого года я приехал в Бристоль.

Это был прыжок в тёмную пустоту. Признаюсь – было страшно. Один в чужом городе. Без крыши над головой, без угла, очага, чьёго-то плеча рядом. Большой портовый город, с его карманными воришками, осевшими на берегу бывшими пиратами, грозными полисменами неприветливо шумел вокруг меня. Но нет! Помнится, был здесь человек, которому, кажется, я сделал однажды доброе дело!

С большим трудом я разыскал мастерскую старого плотника. Седой, маленький, как ребёнок, он важно восседал на скамье, ножки которой утопали в куче стружек, источающих волшебный смолистый запах. Моё появление обрадовало его чрезвычайно! Он бросил работу, притащил пиво, окорок, зелень и сыр, и мы сели за стол. В мастерскую то и дело заглядывали люди, и каждому он представлял меня как мастера Томаса Лея, владельца черепичного цеха.

Я поселился у него и несколько дней бездельничал, привыкая к городу.

Дом, в котором обосновался старик, был добротным каменным строением в три этажа. Два верхних занимал владелец дома с семьёй, на первом разместились табачная лавка и кондитерский цех. Половину подвала арендовал поставщик оборудования для горных работ, который собирал насосы из готовых частей. Вторую половину выкупили в собственность мой плотник и его компаньон.

Самого компаньона я увидел лишь на третий день пребывания в городе. Неопрятный, пухлый детина, он с порога принялся причитать, что в подвале сыро, дерево не высыхает и мебель получается скверная, и что дохода опять не предвидится. Он потоптался по мастерской, шурша стружками, вытирая нос грязным шейным платком, и ушёл, прихватив со стола кусок сыра.

– На самом деле всё не так плохо, – отозвался старик на мой безмолвный вопрос. – Я делаю мебель, а он продаёт, и, конечно, по хорошей цене, только мне об этом не говорит. Я уже старый, мне не по силам бегать по городу и устраивать дела с покупателями. Он пользуется этим!

Немного помолчав, старик вдруг предложил:

– Иди ко мне в компаньоны, Том.

– Что же, – с непониманием посмотрел я на него, – а как же этот?

И кивнул в сторону двери.

– Он уступит тебе свой пай. Твоих черепичных денег вполне хватит, чтобы его выкупить.

– Но он может не согласиться, – растерянно возразил я.

– А я заболею, – старик хитровато улыбнулся, – и перестану работать. Он сам предложит тебе выкупить его пай, да ещё будет считать, что провёл тебя!

– А это будет честно? – осторожно спросил я старика.

– А честно позволять компаньону обманывать себя, да ещё делать вид, что всё хорошо?

Через месяц, в семнадцать лет, я стал совладельцем столярной мастерской.

Как-то вечером старик поделился со мной новостью.

– Наш домовладелец в панике, – таинственно сообщил он. – Английский престол занял Георг Третий, царствовать ему сто лет. Он укрепляет партию тори против партии вигов. В стране неспокойно.

Он выразительно посмотрел на меня.

– А домовладелец при чём? – не понял я.

– Неспокойно в стране, – повторил со значением старик. – У полиции и глаз зорче, и рука твёрже. А тут к соседу нашему, что собирает насосы, по ночам зачастили люди. У хозяина сон пропал, он подкрался и подслушал. Люди эти – крестьяне из тайного общества, называют себя «дубовые ребята». Сговариваются против лендлордов[4] и арендаторов. Теперь наш домовладелец боится, что их раскроют, а его обвинят в укрывательстве.

– Пусть выгонит их! – не утерпел я.

– Так он и их боится, – развёл руками старик. – Вчера пришёл, напился пива, жаловался мне.

До утра мы обсуждали эту новость и нашли, что ситуация для нас весьма выгодна. Утром мы пригласили хозяина дома к себе и предложили простой выход из положения. Он *продаёт* нам вторую половину подвала, и мы на законных правах вытесняем оттуда опасного соседа. Ещё одна польза для него в том, что мы устроим там сушильню для дерева, и в доме постоянно будет тепло.

Для хозяина избавление от «дубовых ребят» было вопросом жизни и смерти, и он немедленно продал нам вторую половину подвала, причём за сумму, почти вдвое меньшую, чем та, которую мы ожидали.

И дело пошло! Мастерская стала просторной. Мы взяли двух рабочих, поставили два новых верстака и отгородили спальный угол. В бывшем насосном помещении я сложил голландскую печь, и теперь в нём день и ночь стояла жара. Там сохло под прессом дерево, отстаивался мебельный лак, хранился уголь и подсобные материалы. Хозяин табачной лавки, что располагалась на первом этаже, над нами, приносил к нам в сушилку влажный табак и сигары и за это платил шесть пенсов[5] в неделю.

Однажды он похвалился новыми курительными трубками, доставленными ему из Голландии. Мы с плотником выбрали несколько обрезков орехового дерева и сделали копии, да так, что мало кто мог отличить их от оригинала. С этого дня, под огромным секретом, все трубки для его торговли делали мы. Ему они обходились вчетверо дешевле, чем голландские, мы же получили новый, неожиданно крупный доход, особенно когда, пользуясь низкой стоимостью, наш заказчик стал продавать их большими партиями.

[4] Лендлорд – крупный землевладелец.

[5] Пенс – мелкая монета, 1 фунт равен 240 пенсам.

Моя комната

Весной именно от владельца табачной лавки мы получили известие, что его соседи-кондитеры, недовольные тем, что аромат их сдобы и пряностей перебивается запахом табака, арендовали другое помещение и собираются выезжать. И мы решились на хитрость.

Я отыскал нашего бывшего соседа, сборщика насосов и, не показываясь ему на глаза, передал известие, что наш домовладелец снова сдаёт помещение, и за умеренную цену. На следующий день он нанёс деловой визит хозяину, а тот, едва только выпроводил страшного гостя, примчался к нам. (Мы же не подали вида, что поджидаем его.)

Он отведал предложенного пива и с показным равнодушием поинтересовался, не нужно ли нам дополнительное помещение. Мы чинно отказались, и он в волнении забегал по мастерской. Он принялся причитать, что мы благонадёжные люди, не занимаемся политикой, к тому же благодаря нашей сушильне во всём доме сухо и тепло, и что ему не хотелось бы иметь других соседей. Целый час мы изображали безразличие, и согласились, поставив условие: он *продаёт* нам весь первый этаж.

Поёживаясь при мысли о величине отданной суммы, плотник и я вступили во владение нижней частью здания. После этой сделки у нас почти не осталось наличных денег, но через месяц, подсчитав доход от продажи мебели, аренду от табачника (который платил теперь уже нам) и его же плату за трубки, мы удивлённо посмотрели друг на друга: «Хорошо!».

В бывшей кондитерской мы убрали перегородки, заменили оконные рамы, входные двери, и настелили новый пол. В этом просторном, гулком помещении мы выставили лучшие образцы нашей мебели. Здесь же поставили мягкий, пространный, обтянутый жёлтой кожей диван для посетителей, а рядом – деловую конторку. (Столик. Бюро. Перья, бумаги, чернила.) С этого дня мы стали делать мебель на заказ, дорогую, из ценных пород дерева. В нашей мастерской работали уже четыре человека, из них один мастер-краснодеревщик. И если обычный рабочий на мануфактуре зарабатывал около пяти фунтов в год, то своим мы платили втрое больше, и дело шло.

Старик сделал мне неожиданный подарок. Дальнюю часть нашего салона он перегородил кирпичной стеной, получив узкую, вытянутую комнатку с одним окном. В ней поместились два шкафчика, столик, диван. Навесил толстую дубовую дверь с врезанным чёрным замком, пахнущим машинным маслом. Я был уверен, что в эту комнату мы перенесём конторку, но плотник, отдавая мне ключ, сказал:

– Томас! Всю свою жизнь я спал на верстаке, вдыхая запах стружки и клея, и не хочу этого менять. А ты только начинаешь жить, и у тебя должен быть собственный дом. Вот его дверь, а вот от неё ключ.

Было лето тысяча семьсот шестьдесят второго года.

Мне шёл восемнадцатый год, и на меня каким-то странным образом свалилось благополучие. Хорошая пища, дорогая одежда, возможность покупать книги. Я целыми днями валялся на кровати, которую сам смастерил и поставил возле окна. Широкий подоконник служил мне столом, а всю противоположную стену, от пола до потолка, заняли книжные полки со стеклянными дверцами. (Книги были преимущественно о путешествиях и далёких странах.) На подоконнике расположились подсвечник с тремя свечами, блюдо с фруктами и деревянная стоечка с трубкой, которую я лишь подносил во время чтения ко рту, воображая себя бывалым матросом, но не курил, так как первая же попытка привела меня к головокружению и тошноте.

Почти месяц тянулось моё безделье и, странное дело, отчаянно утомило меня. Я купил в лавке напротив большую поношенную матросскую куртку, облачился в неё и, спрятав во внутренний карман ключ, ушёл из дома.

Одноглазый

У меня была цель. Если есть в Англии люди, ходившие под парусом к неведомым землям, то их можно встретить, и об этих походах старательно выспросить! А где же их встретить, как не в порту? Только в порту. А ведь он рядом. Один из самых больших в Англии, Бристольский. В порт! Именно туда я и направился.

Но молодость легковесна и ветрена. От нашего дома до гавани, неполную милю, я шёл почти неделю. Бродил по улицам, разглядывал дома, лица прохожих, витрины и экипажи. Деньги – моя доля за последний год – решали проблему еды и ночлега. Мне доставляло странное удовольствие ощущать их тайную силу. Все, видя болтающуюся на мне чужую матросскую куртку, принимали меня за терпящего нужду человека, а на самом деле я мог позволить себе любую прихоть. Но вот – цель стала настолько близка, что казалось, я мог протянуть руку и дотронуться: одна из улочек привела меня к Бристольской гавани.

Всё оказалось достаточно просто. Если ты, любезный читатель, пожелаешь послушать рассказы бывалых людей – будь уверен: они тебя ждут. Пристань в порту тайно поделена на участки, на которых «работают» те, кто изображают таких вот бывалых людей. Презабавное зрелище! Они стараются перещеголять друг друга одеждой – то расшитой золотом, то превращённой в лохмотья. Они причудливо расписаны страшными шрамами. У них очень часто можно увидеть деревянную ходулю вместо ноги, «оторванной испанским ядром», или железный крюк вместо руки, «отсечённой карибским пиратом». У каждого – своя любимая тема: кто-то живописует схватки с пиратами, кто-то ужасы с акулами, кто-то выплетает истории о поисках невероятных сокровищ и кладов. Одним только похожи рассказчики друг на друга: у каждого на плече обязательно сидит громадный цветной попугай – как доказательство того, что рассказчик был-таки на неведомом юге, потрясающем и ужасном.

Их много в порту, но возле каждого собираются-таки изрядные кучки «домашних» мальчиков и неопытных, юных матросов, которые слушают невероятные эти истории с утра до вечера, раскрыв в изумлении рты. Время от времени владельцы сонных больших попугаев натужно кашляют, хрипло произнося: «пыль на гландах…», и тогда слушатели торопливо подают ему медяки – на бутылку вина или кружку рома.

Первые несколько дней был таким вот разиней и я.

Был, пока не обошёл всех рассказчиков и не обнаружил – с изумлением и досадой – что истории у них одинаковы, как близнецы. Что делать? Рассовать разочарование по карманам и ехать домой? Нет «бывалых» здесь, нет…

И всё-таки я их нашёл. Портовые грузчики (они же – состарившиеся матросы) – вот кто действительно кое-что повидал! Подслушанные случайно обрывки их разговоров убедили меня в том, что вот их-то истории – подлинны. Но как войти в это закрытое братство? Чужакам нет входа в такие компании! Но я, как ни странно, сумел. За ничтожную, вздорную плату я нанялся в грузчики и с прочими наравне таскал целыми днями тяжёлые бочки и ящики. Но зато потом, вечерами, слушал, холодея от восторга, рассказы о дальних странах, которые вставали передо мной нагромождением красот и опасностей, о благородных людях и жестоких пиратах (чьи образы были едва ли колоритнее тех личностей, что восседали на перевёрнутых пустых бочонках рядом со мной), о нищете и несметных сокровищах, о коварстве и благородстве, о жизни и смерти.

Особенно близко сошёлся я с кряжистым одноглазым грузчиком, которого все так и называли – «Одноглазый». В первые дни я испытывал к нему страх и скрытую неприязнь (и сейчас мне стыдно в этом признаться). Правую сторону лица его, от кромки волос до подбородка, пересекал рваный багровый рубец – след от клинка, очевидно, тяжёлого и тупого. Свою пустую глазницу он прятал под косой чёрной повязкой, а ниже, неровно сросшаяся,

комковатая кожа была подтянута кверху, и правый верхний клык его был постоянно оскален. А представьте себе плечи и руки его – могучие, узловатые, и сплошь покрытые нескромными татуировками, самые непристойные места которых были стёрты, точнее – выжжены раскалённым железом, и, следовательно, так же обезображенные уродливыми шрамами. Ещё Одноглазый был молчалив и угрюм. Как его было не сторониться?

Изменил моё отношение к нему случайно подслушанный разговор двух его знакомцев, из которого я узнал нечто изумительное. Оказывается, Одноглазый был лихим и удачливым охотником за неграми, и на торговле рабами сделал себе состояние. Вдруг однажды ночью (это рассказывал очевидец), он как бы сошёл с ума. Спрыгнув с гамака, он битый час стоял столбом, а затем бросился будить спящих товарищей-пиратов, каждому задавая один и тот же вопрос: «Это был не сон? Это был не сон?..» Затем стал рыдать, биться головой о шпангоут[6], был связан и облит водой.

В первом же порту он, бросив вещи, сошёл на берег и, по слухам, отвёз все имеющиеся у него деньги в ближайший монастырь, где отдал их настоятелю, не называя себя и ничего не объясняя. Потом вернулся в порт и нанялся на погрузочные работы, несмотря на то, что свежие раны на нём, покрытые кровавой коркой, трескались и сочились: по пути ему встретилась кузня, куда он завернул и раскалёнными кузнечными клещами (не жутко ли вообразить!) стёр с себя некоторые наколки.

Итак, он сделался молчалив, сумрачен, отказался от вина и не ел мяса, заявив однажды назойливой пьяной компании, что не желает быть поедателем трупов животных. Но – брался за любую, пусть и самую тяжёлую работу, а чтобы восстановить силы, покупал солёные морские водоросли, сушёные грибы, мёд (съедал его вместе с воском) и, что особенно любил – привезённые из азиатской страны Московии маленькие лесные орехи.

В груди моей возникло призрачное раскалённое железо: жёг и мучил меня вопрос, что же такое увидел он в своём сне?

Против прежнего отношения к нему, против воли, я стал к нему тянуться. Но заговорил он со мной сам.

– Малыш, – сказал он как-то (а его рваный рот с клыком превратили это слово в «малысс»), не наклоняйся, малысс, над грузом (а мы носили бочонки с солёной сардиной, весом в девяносто фунтов каждый, не монетных фунтов, заметьте, а торговых, которые более чем на четверть тяжелее), не наклоняйся, спину сорвёсс.

– А как же тогда? – с готовностью откликнулся я и, надо признаться, не без страдальческой гримасы разогнул спину.

– Бочонок скати со сспалеры (со шпалеры)[7], и ставь его на дно. Поставил? Присядь перед ним. Низко присядь, до земли. Руками обхвати. К зывоту призми. Теперь с прямой спиной – вставай! Неси! Удобно?

О, не только удобно, а ощутительно легче! Главная цель на погрузочных работах: сделать так, чтобы нести груз было легче.

Вечером я приготовил ему кастрюльку чая (вечером он много пил) и заварил не только индийский чёрный чай, но добавил зелёного, с Цейлона, и ещё сушёных цветков магнолии. Он принял мою кастрюлю с удивлением. Лицо его дрогнуло, взгляд метнулся внутрь, он стал на секунду ребёнком. Откинув голову назад и влево (чтобы не мешала правая, рваная сторона рта), Одноглазый медленно, одним долгим движением выцедил чай, сжал большим и указательным пальцами закрытый левый глаз и немного так посидел. Потом открыл глаз, счастливый, влажный, и сказал:

– Умеесс придумывать, малысс. Как сделал такой запах?

---

[6] Шпангоут – толстый деревянный брус внутри корабля, между днищем и палубой.

[7] Шпалеры – ряды бочек, выложенные один над другим.

– Магнолия…

– Ах, да…

Он пригласил меня сесть рядом, мы помолчали. Молчание не было тягостным. Оно было естественным и спокойным. Он сказал:

– Ты работаесс не за деньги. Ты довольный и сытый.

Я, чуть помедлив, признался: кивнул.

– Ты сколько хочесс детей?

– Двоих, – ответствовал я, почему-то совсем не удивившись вопросу.

– Будет трое.

– А кто да кто?

– Двое – мальчисски.

Мы опять помолчали. И тут я решился.

– А что это был за сон? – спросил я, с трудом сглотнув слюну.

Он неожиданно улыбнулся.

– А ты хочесс узнать, когда ты умрёсс? – вкрадчиво спросил он. (Ласково, мягко, но пугающе вкрадчиво!)

– Нет, нет!..

– Правильно, малысс. Не нузно знать то, сто знать не нузно…

На этом тот разговор не закончился. Мы беседовали ещё несколько раз, то пыхтя под общим грузом во время работы, то вечером, отдыхая. Одноглазый рассказал мне о том, как устроен у человека скелет и как его лучше держать при больших нагрузках. Как тренировать мышцы для медленной работы, как – для быстрой. О том, чтобы я бережно относился к самому себе, потому что силы у человека имеют обыкновение уходить вместе с тем, как уходит его молодость. И ещё кое-что малопонятное:

– Ты, малысс, приглядывайся к мастерам, подмечай их уловки. Твоя зызнь будет непростой, и это пригодитса…

Юнец, как я мог знать тогда цену таким встречам? Как можно было узнать, что спустя изрядное количество лет именно Одноглазого встретит на своём страшном пути мой заклятый враг, посланный убить меня, и эта встреча приведёт ко мне пусть не друга ещё, но уже не врага! Остаться бы ещё на недельку, расспросить бы о будущем…

Но через день, почувствовав, что изрядно устал от тяжёлой работы, я купил целый анкер[8] любимого местным народцем вонючего ямайского рома и, оставив его в подарок грузчикам, покинул гавань.

[8] Анкер – специальный «плоский» бочонок с ручкой для переноски.

Глава 3
У кузнеца

За два пенни я купил место на повозке фермера, который привёз в гавань какой-то груз. На ферме, понимаете ли вы меня, я никогда ещё не был. Почему бы и не побывать? Но на выезде из города фермер завернул к придорожной кузнице сменить зазвеневшую у лошади подкову. Я спрыгнул с повозки и заглянул внутрь.

Уловки мастера

Багровый огонь в чёрном брюхе кузни, кислый запах сгоревшего угля, громадный мускулистый кузнец в кожаном фартуке, звон молота – всё показалось мне сказочным. А ещё знаете, что я увидел? Раскалённые кузнечные клещи. Как будто молния полыхнула у меня в груди, как будто в неё перепрыгнул огонь из багрового горна!

Я не раздумывая попросил кузнеца взять меня в подсобные рабочие.

– Мне помощник не нужен, – тяжёлым голосом ответил он.

– Бесплатно, – быстро добавил я.

Он внимательно посмотрел на меня, взял в свои лапы мои кисти (я тихо порадовался, что они окрепли на портовых работах), согнул в локте мою руку, железными пальцами сдавил мышцы.

– Ладно, – бросил он, подумав. – Двадцать пенсов в неделю и мой ужин.

– Так вы берёте меня? – неуверенно спросил я.

Вместо ответа он усадил меня на колоду, достал ножницы и, не успел я опомниться, отхватил мои выбеленные солнцем, отросшие почти до плеч волосы.

Я ревел уже через два дня! Я плакал, стонал, скрипел зубами, я не хотел жить. Стофунтовые бочки – детские игрушки по сравнению с нетяжёлым кузнечным молотом! Дамир, мой хозяин (то ли скиф, то ли галл), спрятав глаза под лохматыми бровями, знай себе помахивал указателем – тенькой, особенно крохотным в его массивной лапе. «Тень!» – звякал молоточек о набухшую красную тушку, шипящую на наковальне. «Бум!» – ударял я вполсилы. «Тень-тень!» – издевался карлик, и – «Бом!» – должен был со всей силы грохнуть мой молот. «Тень-тень-тень!» – захлёбывался злодей. «Бамм!» – должен был я обрушить за пределом возможного. И вот, когда свежий, белый из горна брус вымётывался на наковальню, здесь были ужас и смерть. Кузнец, пока не остыло железо, гнал немилосердно, и тройное дребезжание, означавшее выдёргивание сил из моего тела без всякой пощады, это «тень-тень-тень» было для меня бесконечным. Кровавый пузырь качался у меня перед глазами. Я был слеп от пота и боли и лупил не глядя, на ощупь, на звук. Но вот… Вот! О, счастье! О, Боже! О, милость! – «Тень-тень…» Это означало: всё. Бруску придана нужная форма, и теперь кузнец будет мять его редко, вдумчиво, тщательно вглядываясь, поднося к самой окалине[9] изжёванную огнём, опалённую вкруг, свою густую дикую бороду. А там, глядишь – и новое чудо: металл отправляется в горн, на догрев, а я тащу свои мясо и кости к низкой скамье, скрытой в тени бочки с рыжей от окалины водой.

Вечером я плёлся в свою комнатку, отодвигал в сторону обильный ужин (я съем его потом, ночью), валился на тюфяк, и лежал, и не шевелился, и плакал.

Признаюсь, я плакал бы и днём, за наковальней, благо – слёзы и пот неразличимы. Но днём в кузне неизменно сновала девочка – дочь кузнеца, его единственный ребёнок. Ей было пятнадцать лет, *она на меня смотрела*, и здесь уже никакие силы не заставили бы меня выдавить хоть одну слезу. Я мучился молча.

Но вот, незаметно в мою жизнь вошло равновесие между работой и собственным телом. Я не страдал больше! Я обвыкся, окреп, стал проворен и весел. Больше того, я смог отстранить своё сознание от боли в мышцах и понемногу начал вникать в то, что происходит на наковальне. Также я начал замечать людей, приезжающих с заказами. Вот невысокий, с брюхом, купец. Заказал воронёные ручки для дверей своего нового дома. Я-то знал уже, что вывороnить металл – значит сделать его совершенно чёрным. Но как? Ручки мы отковали, с этим я справился бы и сам…

[9] Окалина – красный налёт на кузнечном железе.

И вот Дамир принялся колдовать. Принёс деревянную бадейку, вымыл её кипятком и заполнил жидким дёгтем. Откованные предметы он раскалил в горне до одинакового цвета (я запомнил этот оттенок, между красным и малиновым), и каждый, подхватив щипцами, опустил в дёготь на несколько секунд (я их сосчитал).

Вечером, прядя за заказом, купец восхищённо качал головой, цокал языком и вздыхал над дюжиной ручек, чёрных до синевы. Дал щедрые деньги. Я же про себя сказал: «Ага!»

А зимой приехал вельможа из Лондона, богатый и прихотливый. Сообщил, от кого узнал о мастере, и спросил, может ли тот сковать булатный клинок. Он, видите ли, собрал большую коллекцию оружия близкого боя, и желал, наряду с древними, новых изделий.

– Фунт стерлингов в день, – твёрдо сказал кузнец, – работы на две недели.

«Безумие, – подумал я, – четырнадцать фунтов за клинок! Сейчас тот разозлится. Хорошо, если только просто плюнет…»

Нет! Быстро-быстро закивав головой, вельможа достал и протянул задаток – семь фунтов. Безумие!

– Сарацинский[10] булат? – уточнил Дамир.

– Сарацинский клинок струистого булата! – заученно выпалил коллекционер.

Поговорили про тип оружия, внешний вид, контуры и размер.

– Испытывать будем обычным образом, – строго сказал кузнец. – Платок из китайского шёлка подбросим, и я его в воздухе клинком рассеку.

Вельможа часто задышал, покрылся румянцем. Кивнул.

Он уехал, а у нас начался праздник! Из-за кузни выкатили колоду – спил дуба, такую громадную, что я на неё мог бы лечь и выспаться. Дамир заказал, и нам привезли два бочонка лучшего пива. Кузнец взял бурав, в одно мгновение высверлил в бочонке дыру и, пересиливая ударившую оттуда пенную струю, быстро ввернул кран. На колоду поставили две огромные глиняные кружки, в две пинты[11] каждая, и с полдюжины глазурованных глиняных блюд, на которые выложили сыр, варёные вкрутую куриные яйца, квашеную капусту, мочёные яблоки, лук, чеснок, пышущий горячим паром картофель и тучный, собственного копчения свиной окорок. Мы уселись у колоды на перевёрнутые бочонки, и кузнец отворил кран. Зашипел пивной ручеёк, вспухла и зашлёпала, упадая меж расставленных ступней, белоснежная пена.

– Выпьем, помощник! – провозгласил, поднимая тяжёлую кружку, Дамир.

– Выпьем, мастер, – чинно ответствовал я.

Прохладная, щекотная пена коснулась кончика носа. Я втянул её губами и добыл хороший глоток бархатного, колючего, терпкого пива. На картофелину бросить соли, отпахнуть солёный, но ещё хрусткий капустный лист, свернуть его трубкой, оголить чесночный зубец – и всё это, друг за дружкой – вслед за пивом. Вздохнули, подержали лёгкую паузу – и разом, обе холодные кружки – медленно, не отрываясь – до дна. Глухо стукнули они, опустевшие, по дубовому телу колоды, и въелся широкий, острый как бритва, нож в мягкую окорокову выпуклость, и отвалил его бок, явив розоватое, с прожилками, зеркало среза. Розовато-коричневый, плоский, пространный, словно подмётка великаньего сапога, окороковый пласт ухвачен обеими руками, поднесён ко рту, а в голове уже восхитительный, мощный, в любви ко всему белому свету, немой, распирающий, медленный гул.

– Выпьем, помощник!!

– Выпьем, мастер!!

Праздник. Годовой доход за две недели. Близкая к постижению вечная тайна булата. Сон. Наваждение.

---

[10] Сарацины – воинственный народ на Востоке.

[11] Пинта – примерно одна обычная бутылка.

– Выпьем, кузнец!..

Булат

Десять дней качался праздник, пресыщенный и беспечный. Наконец, во мне зашевелилась тревога. Когда же начнём выполнять заказ?

Кузнец, обнажив в лукавой усмешке крупные зубы, на одиннадцатый день, вечером, сиплым голосом произнёс:

– А мы булат-то ковать не будем!

– Как же? – опешил я.

– Очень просто, – пояснял он мне назавтра, уже в процессе работы. – Чтобы получить булат, железо нужно везти из Дамаска, там у них руда сильная. Здесь, в Англии, руда слабая. Но немного поправить её можно. Будем крицу[12] ковать, да порошочки добавлять.

– Какие? – как можно равнодушнее спросил я.

– Разные. Медь, магниум. Толчёное конское копыто. Не в этом дело-то. Главное – проковать многократно, чтобы железо вышло слоистое. Непременное условие – полоски-прослойки на клинке, и чтоб волнами. Ему, видишь, струистый булат хочется. Ну, будет.

– Но ведь если не настоящий булат, им платок не рассечёшь!

– Рассечёшь, – загадочно улыбаясь, сообщил он, почёсывая палёную бороду. И, встретив мой молящий взгляд, снизошёл: – Клинок мы ему перекалим. Хорошо прокованный перекал платок легко рассечёт, даже шёлковый. Другое дело, что воевать им нельзя: хрупок, обломиться сразу.

– А вельможа этот не будет воевать?

– Что ты! У них, видишь ли, недавно объявилась мода: добыть за большие деньги булатный клинок и, созвав друзей в гости, рассекать им платки. Наверное, уже гору китайского шёлка извели. И для этой-то тряпичной войны наш меч будет как раз в пору.

Пришёл четырнадцатый день. Вельможа, с дрожащими пальцами, с белым лицом, напряжённо смотрел на нас. Дамир вынес завёрнутый в холст изогнутый, с наложенной недорогой временной рукоятью меч, положил его на вытянутые руки заказчику, разбросал в стороны концы ткани. Засиял, запереливался клинок. Не поверилось мне, что такой предмет мы выковали и отполировали всего за два дня.

– Платок? – спросил кузнец.

– Забыл, – помертвел вельможа.

Понимающе кивнув, мастер запустил руку за пазуху, достал в горсти три платка – синий, жёлтый и алый. Медленно осмотрел шёлк, отложил в сторону алый и синий. Дал мне в руку старую, но остро отточенную саблю, вытянул руку с зажатым в пальцах платком.

– Руби! – выдохнул он, отпуская невесомую ткань.

Ох, и рванулись мои мышцы! Свистнула сабля. Хлопнул, встретившись с ней, платок, отлетел в сторону. Подняли платок, посмотрели. Ни одного, даже крохотного пореза. Кузнец взял с холста откованный нами меч, вложил в мою руку. Я торопливо вытер о штаны вспотевшую вдруг ладонь, развернул плечо.

– Руби!

Меч мелькнул, но платок всё так же падал.

«Промахнулся!» – догадался я и тут же увидел неестественно расширившиеся глаза лондонского вельможи. Я взглянул по направлению его взгляда и увидел, что на землю большими листами осеннего клёна мягко ложатся два платка. Два!

Заказчик наш, застонав, бросился к мечу, схватил.

– Сами попробуйте, сэр! – предложил кузнец.

---

[12] Крица – первично полученное в кузне или плавильне грубое железою.

Но тот лишь сунул ему в руку деньги, скорей-скорей отвернулся от нас и пошёл…

Я с тоской смотрел ему вслед, ему, уносящему что-то значительное, к чему я тоже приложил и старание, и мастерство. Увижу ли я тебя когда-нибудь, мой первый, мой струистый клинок?.. Едва ли.

Весна

Всю зиму и весну я работал в кузнице. Каждую неделю получал три шестипенсовика и ещё два пенни. И если поначалу мне казалось, что я не выдержу – настолько тяжёлой была работа, то со временем втянулся, обвыкся и даже стал скучать. Появилось свободное время, и я (да и как могло быть иначе?) нашёл ему применение. Так вот, я стал учителем. Кузнец сначала не верил, потом с недоумением отступил перед фактом. Я умел читать! И писать, разумеется, тоже.

Моя ученица каждый вечер отмывала гладкую дубовую доску, набирала жжёного угля из горна и терпелива ждала, когда мы закончим работу. Дамир, приходивший звать нас к ужину, раскатисто хохотал, глядя на наши измазанные углем пальцы, щёки и носы.

– Следы учёности, – говорил он, подсмеиваясь, хотя – я видел это – с неподдельным удовольствием и одобрением относился к нашим урокам. Нанимать домашнего учителя ему было не по средствам, а я обучал его дочь бесплатно.

Ученица моя в свои шестнадцать лет имела приятное личико, достаточную смекалку и весьма бойкий характер. Вдобавок ко всему пришла весна! Ученица как-то незаметно приобрела замаскированную под задиристость шалинку во взгляде, и, по вечерам, когда мы склонялись над книгой (а её успехи уже давали такую возможность), так вот по вечерам, когда наши головы соприкасались, мы, используя естественное право оставаться наедине, предавались быстрым, неумелым, пылким поцелуям. Откровенная же готовность моей пассии[13] на любое безумство сводила меня с ума. Я убедил себя в серьёзности своих намерений и поведал ей о том. Она, не долго думая, переадресовала их отцу, и у меня состоялся с ним ненужный, неправильный разговор.

– Том, – тяжело сказал он, – ты неплохой работник. И железо чувствуешь, и смышлёный. Но я не люблю врунов!

И, остановив моё возражение, ещё больше нахмурился:

– Что ты наплёл моей дочери? Что у тебя есть собственная мастерская! Что ты обеспеченный человек! Так?

– Так, – проговорил я, избегая смотреть ему в лицо.

– Может, ты ещё и джентльмен?

От него исходило что-то присущее сильному зверю. Я молчал. Я боялся его.

– Вот что, джентльмен. Забирай-ка свои вещички и иди откуда пришёл!

Он неторопливо прошагал в кузницу, а я, поспешно побросав в мешок своё скудное имущество, не попрощавшись, выскочил на дорогу. Я шёл и, почти плача, ругал себя. Ведь виноват! Да, виноват! Прав кузнец, что прогнал меня, как напакостившего щенка. Ведь за его спиной, тайком, я целовался с его дочерью. А это, бесспорно, предосудительно. Никогда больше в моей жизни женская прелесть не смутит и не сманит меня. Вон что из этого выходит! Нехорошо, как же нехорошо… Ссутулившись, я быстро шагал по пустынной, на моё счастье, дороге, и ветерок обдувал моё пылающее лицо и сушил глаза. Я воображал, что вот я вернусь, и с дорогими подарками, и они увидят и поймут, что я не болтун и бродяга, что всё серьёзно!.. Но тут же приходила странная уверенность в том, что этого не будет. Не вернусь. Не осмелюсь.

Я подошёл к центру Бристоля, и его шум, суета, лики домов и грохот колёс экипажей заняли моё внимание. Однако горе всё ещё сидело в груди в тот миг, когда я подходил к нашему дому.

---

[13] Пассия – буквально: «страсть», но так ещё принято называть избранницу.

Холодный огонь

Старый плотник просто засиял, когда увидел меня.

– Томас! – радостно воскликнул он. – Как же ты вырос! Что за плечищи! Что за руки! Садись, рассказывай скорее, где был, что видел?

Мы пили пиво, жевали окорок, первую, свежую зелень, и наперебой рассказывали новости. Вечером мы перебрались на первый этаж, в мою комнату (салон был заставлен новой, незнакомой мне мебелью), и проговорили до утра. Старик отдал мне мешочек с деньгами – мою долю от общей прибыли и, притащив расчётную книгу, буквально заставил меня проверить бухгалтерию, а заодно вникнуть, как идут дела.

Снова потянулись дни сытого безделья, чтения книг у блюда с фруктами, разговоров со старым товарищем. Однако на этот раз моё сибаритство[14] было недолгим.

Однажды утром к нам явился новый заказчик, оружейный мастер. Он попросил изготовить ложа и рукояти для двух пистолетов, обязательно из чёрного дерева, чтобы инкрустировать их серебром. Это были поразительные пистолеты! У них не было массивного курка с винтом, в котором зажимают кремень, что высекает искру, зажигающую порох на полке. Да и самой этой полки не было и в помине! А был небольшой изящный курок, с тугой, впрочем, пружиной, который, опускаясь к стволу, накрывал собой круглый выступ над затравочным отверстием. Как, – ума не приложу, – поджигается порох в самом стволе?

Четыре дня я мастерил рукояти, но даже не замечал, что делают мои руки. Словно назойливый шмель гудела в голове мысль – как же он поджигается?..

Работы не замечал, но когда закончил – не смог сдержать восхищения. До чего же хорошо получилось! (Вы видели когда-нибудь белое серебро на чёрном дереве?) Изумился и мой старик, когда взял в руки готовые изделия. Покачал головой, пристально посмотрел на меня, но ничего не сказал. Зато сказал оружейник. Он произнёс одно только слово, высшую похвалу, какую может услышать мастер любого ремесла в любом городе:

– Безупречно.

Он недоверчиво хмыкнул, узнав, что это я сделал рукояти, осмотрел, поднося к самому носу, ощупал. Лизнул даже! Потом сел и уставился на меня.

– Ну хорошо, – сказал он. – Дерево отшлифовал – это можно. Накладки врезал – с этим справился бы и часовщик или хороший гравёр. Курок отцентровал – ладно. Но как ты выставил равновесие?

Старик подошёл, сунул нос к пистолетам, вскинул непонимающие глазки. Притих.

– Пятьдесят два года я состою при оружейном ремесле, – возгласил заказчик, – и знаю, что дерево всегда было легче железа, и, когда рукоять пистолета в руке, а руку вытянуть, – ствол перевешивает.

Он оттопырил губу, посмотрел на меня. Потом вскочил, схватил пистолет, вытянул руку. Постоял. Потянул пальцем за скобу (звонко хлобыстнул курок), опустил руку.

– Безупречно!

Сел, уставился на меня. Заговорил снова:

– Для баланса я вворачивал в торец рукояти массивное железное кольцо, все пятьдесят два года. Это делает пистолет более громоздким, но зато, когда он ложится на указательный палец, не перевешивает ствол! Как ты сделал баланс – не понимаю.

– Предлагаю меняться, – напряжённо сказал я и спрятал задрожавшие руки в карманы.

– Что? – вскинул голову оружейник. – Чем?

– Секретами.

---

[14] Сибарит – избалованный роскошью бездельник.

– Секретами?

– Я расскажу вам, как добился равновесия.

– Так-так. Что же юный мастер хочет узнать взамен?

– Как поджигается порох.

– Какой? Где?

– В стволе, при выстреле.

Оружейник вскочил, взял пистолет, протянул его мне, воскликнув:

– Согласен!

Я взял пистолет, перевернул его стволом вниз, показал на торец рукояти.

– Вот здесь высверлено отверстие, и в него залит расплавленный свинец. Потом отверстие заклеено пробкой – так, чтобы прожилки дерева совпадали, – и зашлифовано. Таким образом, в рукояти скрыт свинцовый бочонок, который не даёт стволу перевешивать.

– А как рассчитан вес бочонка?

– Никак. Чутьём угадан.

Я протянул пистолет ему. Его очередь!

– Вот сюда, – он потыкал пальцем в круглый выступ над запальным отверстием, – надевается медный колпачок. Называется капсюль. В нём содержится холодный огонь. Когда курок ударяет по капсюлю, огонь становится горячим и поджигает порох. Бум! – Он бумкнул и притопнул ногой. – И всё.

– Всё? – я был растерян.

– Всё.

– Но… это лишь половина секрета!

– А что же ещё-то?

– Что такое холодный огонь?

На следующий день я трудился в оружейной мастерской.

Очень скоро я научился соединять металлические части так, чтобы они плотно прилегали друг к другу, но не теряли подвижности. Смешивать уголь с селитрой, чтобы получить порох. Определять раковины и трещины в металле. Плавить свинец и отливать пули. Свивать и закаливать пружины. И, наконец, я сам изготовил капсюль.

За день до этого события, вечером, передо мной предстал оружейник – нарядный, торжественный и чуточку пьяный.

– Детей у меня нет, – сказал он, – стало быть, и секреты передать некому. Но и допустить, чтобы ремесло угасло – нельзя. Поэтому я решил все свои секреты доверить тебе.

Он подвёл меня к столику, на котором были разложены пистолетные механизмы, пружины, коробочки с порохом, пули.

– Главный секрет – продолжил он, – это тайна холодного огня. Вот он, порошок, который даёт взрыв в тысячу раз сильнее, чем порох. Его случайно создал один из моих предков лет за двести до нас с тобой. Алхимик и франкмасон[15], он искал философский камень, а нашёл вот этот порошок. Двести лет способ его получения держался в тайне, передаваясь из поколения в поколение, и вот только я решился выпустить его на свет.

Он покачнулся, крепко ухватился за моё плечо.

– Я выпустил на свет ещё одного слугу смерти, и, может быть, то, что небо лишило меня детей – начало моего наказания. Но устоять я не смог – уж слишком удачное применение нашёл я для этого слуги. Он настолько силён, что взрывается не от огня, а всего лишь от небольшого удара. Это его свойство позволило мне придумать и изготовить пистолет без

[15] Франкмасон – в буквальном переводе с французского – «вольный каменщик»; когда-то название цеховых объединений и рыцарских орденов. Сейчас, в 18 веке, так называется тайная организация в Англии, целью которой является объединение всего человечества в братство.

кремня. Вместо кремня – вот, тонкий медный диск, похожий на маленькую монетку. Вставляем его в пресс, нажимаем… получается плоский колпачок. В него насыпается щепотка порошка и закрывается кружком из фольги. По краям фольга смазана клеем. Надеваем колпачок на запал пистолета, взводим курок… Бум!!

Так прошёл год.

Генри

Весной у меня появился друг.

Имея достаточно свободного времени, я часто посещал книжную лавку на соседней улице. Вот там-то я увидел однажды худого, с измождённым лицом человека лет двадцати пяти, чуть выше меня ростом, с чёрными, в отличие от моих рыжеватых, волосами. Он вошёл и, виновато улыбнувшись хозяину, с обезоруживающей простотой признался:

– Я ничего не буду покупать. Посмотрю только, можно?

Тот лишь махнул рукой.

– Часто сюда заходит, – пояснил он мне. – Поесть не на что, а на книги смотрит.

Я исподволь стал наблюдать за странным гостем. Его худые, с шишковатыми суставами, пальцы удивительно нежно прикасались к томам, очень медленно раскрывали их, поглаживали страницы. Наконец, он добрался до отложенных мною книг, взял верхнюю («Генри Филдинг»[16] – прочёл я тиснение на коже) и, сообразив, что это уже чужая книга, с той же виноватой улыбкой положил на место.

– Меня тоже звали Генри, – сообщил он мне.

– А сейчас как зовут? – вежливо поинтересовался я.

– Никак.

И, встретив мой недоумевающий взгляд, добавил:

– Меня почти уже нет. Пропадаю.

Чем-то жутким повеяло на меня от таких слов. Холодок прошёл по спине.

– Вы больны? – участливо пробормотал я.

– Я остался один, – равнодушно и тихо ответствовал он. – Ничего не умею делать. Жить не на что.

– За то, что я иногда позволяю ему здесь читать, – быстро вмешался хозяин, – он мне чинит ветхие книги. Он сносно делает переплёты!

– Единственно, что у меня получается, – это придумывать истории, – произнёс Генри. – По вечерам там, где люди с лошадьми, я рассказываю их, и меня кормят за это.

Я сунул книги хозяину, за прилавок, подхватил Генри под локоть и вывел из лавки.

– Но хорошая история придумывается раз в год, – отрешённо глядя в сторону, продолжал он, – а людям неинтересно слушать сегодня то же, что и вчера.

Мы доплелись до нашей мастерской, и я втащил почти невесомого знакомца в свою комнату. (Он немедленно направился к полке с книгами.) Я схватил что-то с подоконника, кажется, грушу, сунул ему в руку и помчался вниз, в подвал. В двух словах я открыл плотнику этот странный случай, и через четверть часа на расчищенном углу верстака исходила паром тарелка куриного супа с лапшой, лежали хлеб, лук и лист салата с небольшим холмиком соли. Вернувшись в комнату, я застал гостя в том же положении, в каком и оставил – замершим перед книгами, с ненадкушенной грушей в руке. С сожалением покинув свой пост, покорно и грустно, Генри последовал за мной.

Медленно, нетвёрдой рукой вычерпав суп, он закрыл глаза, и мы, легко подняв его из-за стола, уложили на кучу сухих стружек в углу.

Он спал до позднего вечера, а проснувшись и увидев нас, без предисловий принялся рассказывать историю.

Это было неописуемо! Шли часы, а мы, как зачарованные, сидели и слушали. Он придумал невероятное место где-то на окраине мира и населил его необычными существами. Они жили по странным законам, делали чудесные предметы и были необъяснимо милы.

[16] Генри Филдинг – английский автор, написавший «Историю Тома Джонса, найдёныша».

Затейливая фантазия плыла и сверкала, словно хрустальный поток, и оставляла ощущение теплоты и уюта, – как витраж[17] из флорентийского стекла, как расцвеченная амальгама[18].

Перевалило за полночь, когда повествование сплелось в завершающую фразу:

– Так заканчивается история острова Локк, – устало произнёс Генри.

(«Локк», – то есть замок, щеколда, – это же моя родная фамилия! Я был очарован его историей.)

Он остался жить у нас, и даже получил собственную обязанность: выносить из мастерской стружки и обрезки дерева и сжигать их в сушильной печи. Большую часть времени он проводил именно здесь, в африканской жаре, следя за температурой в сушилке и читая взятые у меня книги. Спал он на одном из диванов в салоне, но никогда, приходя утром, я не заставал его там. Чуть только брезжил рассвет, он в одних коротких штанах устраивался у печи и склонялся над очередной книгой, старательно оберегая страницы от падающих с лица капель пота.

[17] Витраж – окно, составленное из разноцветных кусочков стекла.

[18] Амальгама – сплав ртути с металлом.

Глава 4
Гибель «Дуката»

Я продолжал выполнять заказы оружейника, но уже не в его мастерской, а у себя дома. Генри получил в подарок от нас небольшой переплётный станок и успешно освоил первое в своей жизни ремесло. Он даже стал получать кое-какие деньги от владельца книжной лавки, которые, впрочем, у него же и тратил.

Наша жизнь, казалось бы, стала спокойной и предсказуемой, но в самый разгар лета случилось непредвиденное.

Как сбываются мечты

Однажды утром плотника посетил какой-то человек, и после его ухода старик принялся ходить по мастерской в сильном волнении.

– Том, – сказал он. – Недавно у нас был заказ от некоего Давида Дёдли, торговца. Мы сделали большую партию сосновых матросских сундучков, помнишь?

Я помнил.

– Так вот, – продолжил старик, – два его корабля отправляются в Индию. Так вышло, что он очень нуждается в корабельном плотнике. Что скажешь?

– Он предлагал тебе отправиться с ним в Индию? – не поверил я.

– Не просто предлагал. Упрашивал! Видишь ли, у него два маленьких сына, близнецы. Они очень хотят, чтобы это был именно тот "старичок, который делал сундучки". Мальчишки растут без матери, и отец им ни в чём старается не отказывать. Даже в этом плавании – один корабль идёт с товаром, на втором путешествуют дети.

Он выжидающе посмотрел на меня. Я вздохнул:

– Поезжай, старик. Надо так надо.

– Что говорить, Томас. Я-то знаю, как ты мечтаешь о далёких странах. Но богатых людей трудно о чём-то просить. Ты ведь сам справишься с мебельным делом?

– Разумеется, справлюсь, дело нехитрое.

Он принялся собирать инструменты, а я засел за изучение счетов и заказов. Но случай иногда всё меняет.

За день до отплытия кораблей плотник заболел, и настолько серьёзно, что не мог встать с постели. Вот так судьба состроила кокетливую гримаску: плыть в Индию выпадало мне. Да, это невероятно, чтобы корабельным плотником взяли мальчишку моих девятнадцати лет – но я получил, сам того не зная, блестящую рекомендацию. Мой учитель-оружейник делал партию своих новых, «капсюльных» пистолетов хозяину корабля. Так совпало. Мы – сундучки, он – пистолеты. Своим словом он поручился за меня, показал мои работы, и мне привезли приглашение!

Старик потребовал, чтобы я надёжно спрятал свои деньги и бумаги на дом, и для этой же цели отдал мне свой мешочек с монетами.

– Поправлюсь, – чуть слышным голосом сказал он, – мастерская прокормит. А что случится – моим денежкам мигом найдётся хозяин…

В своей комнате я отодвинул кровать и выдолбил в кирпичной стене глубокую нору. Замуровал в неё бумаги и деньги. Затем придвинул кровать к свежему пятну штукатурки и пошёл прощаться.

– Том, – попросил меня старик. – На корабле мой сундук. Пожалуйста, береги его. Там вещи, которые я собирал всю жизнь.

Я обещал ему это. Затем поселил Генри в своей комнате и наказал ему заботиться о старике, пока я не вернусь.

На следующий день я был у Бристольского залива.

Море встретило меня знакомым небом в штрихах мачт и парой приветствий узнавших меня грузчиков.

Я взошёл на корабль, представился капитану. В его каюте находился и сам Давид Дёдли, и два его сына, близнецы двенадцати примерно лет, удивительно похожие друг на друга. Их имена были Эдд и Корвин, но никогда нельзя было определить, кто из них кто, и поэтому и сам отец, и все окружающие обращались к ним обоим просто "Малыш". Эти мальчишки были главным объектом нашего путешествия, поскольку отец обещал им такой

подарок на день рождения – путешествие в далёкие тёплые страны, где живут неведомые племена и невиданные звери.

Корабли назывались “Африка” и “Дукат”.

Мы ещё не отплыли, а у меня уже появилось первое задание – собрать на палубе “Дуката” большой ящик, в котором (горячее желание близнецов) можно было привезти в Бристоль пару крокодилов. Подозреваю, что со стороны владельца кораблей это задание было также своего рода проверкой для меня – “а каков наш новый чип в деле?” (Чип, то есть “стружка” – это шутливое название весьма важной должности – корабельного плотника).

Место моё определили в нижней каюте, среди матросов, в уголке с деревянной кроватью (это вам не матросский гамак; плотник – персона заметная), на которой уже стоял сундук старика. Здесь я сложил своё скромное имущество и принялся за ящик. Слабо представляя себе, каких размеров могут достигать крокодилы, я на всякий случай сделал его побольше. К вечеру он был готов. У него имелись четыре короткие ручки для переноски, плоская откидная крышка на петлях и, что привело близнецов в восторг, – небольшие круглые дырки для воздуха в одной из его стенок. Они немедленно забрались внутрь и, требуя от меня то перегородку, то подставку для подзорной трубы, устроили там “крепость”. Их отец, видя своих детей счастливыми, произвёл весомую благодарность: распорядился кормить меня вместе с мальчишками, в отдельном помещении.

И я пропал. С нами обедала воспитывающая близнецов племянница Давида Дёдли, двадцатилетняя Э′велин Ба′ртон. Она мгновенно поразила меня своей красотой, – тёплой, бархатной. Необыкновенной. В её характере странным образом соседствовали доброта, кротость – и сила воли. (Первое время я так робел, что ни крошки не мог съесть в её присутствии.)

Ещё в нашу компанию входил очень похожий на моего плотника маленький старичок с хитрыми синими глазками, которого все звали просто по имени – Нох. Он оказался бывалым охотником, умел делать всякие мудрёные ловушки на зверей и по вечерам занимал близнецов рассказами о своих бесчисленных приключениях.

Девятого августа тысяча семьсот шестьдесят четвёртого года мы покинули Бристольскую гавань.

Лев с кинжалом

Мы очень сдружились в нашей маленькой компании. Во-первых, к этому располагало однообразие морского пейзажа. Во-вторых, случилось так, что все мы сразу понравились друг другу. Четыре раза в день мы усаживались за стол и после молитвы, чинно, в тишине и спокойствии, поглощали приготовленные блюда.

Но пристойность эта была возможна лишь потому, что в столовой власть нашей королевы – мисс Эвелин – была непререкаема. А вне этих стен всё остальное время мы придумывали, одну за другой, азартные и веселые затеи. Мы играли в прятки, в пиратов, в двенадцать палочек, в папуасов – с переодеваниями, розыгрышами и другими причудами. Мальчишки, Нох и я катались визжащим, хохочущим клубком по всему кораблю, часто вызывая недовольство строгой воспитательницы, очаровательной Эвелин. Она укоряла нас за нарушения каких-то правил приличия, уверяя, что ей бывает стыдно за наше буйство, однако всегда была рядом. Иногда мы выкидывали такое, что Эвелин сама не выдерживала, отворачивалась и украдкой, зажимая рот, хохотала, тихо постанывая и вытирая слёзы.

Давид Дёдли был в совершенном восторге от того, что его сыновьям так хорошо. Однажды днём он устроил для них особенное развлечение. Он попросил меня сколотить небольшой плот с мачтой, на вершине которой привязали белый лоскут. Пользуясь хорошей погодой, этот плот опустили на воду и отошли от него примерно на полмили. Затем канониры “Африки” и “Дуката” принялись по очереди бить по нему из пушек. Стрельба, клубы дыма и уносящиеся вдаль чёрные точечки ядер изумили и воодушевили мальчишек, а когда выстрел именно с “Дуката” разнёс плотик в щепки, ликованию их не было предела. На палубе был установлен длинный стол, за который – невероятно! – уселись, не разбирая чинов, все – от капитана до простого матроса. Канонира, попавшего в плот, мальчишки посадили во главе стола, наградили его каким-то немыслимого покроя плащом из своих, “пиратских” запасов, к которому прикололи медаль, наскоро сработанную из старинной золотой монеты. Капитан приказал выкатить для команды бочонок рома. Кок появился на палубе и щедрой рукой выставил команде несколько корзин окороков и сыра. Ему помогала его дочь, худенькая девушка лет семнадцати. Очаровательное создание, рыжеволосая, с зелёными глазками. На её милом личике всё время таился и грозил вот-вот выпрыгнуть светлячок улыбки. Алис. Рыженькая, смешливая Алис, добрая и весёлая. Я-то был очень рад такому соседству, а вот морская братия ворчала и сетовала, иногда даже зло, что напрасно на корабль взяты женщины. “Юбка на корабле – жди беды, братцы. Примета верная”.

Но в этот день до самого вечера на палубе шумело веселье.

И в самый разгар этого неожиданного праздника ко мне подсел высокий, мускулистый человек лет тридцати, с чёрной, аккуратно состриженной в острый клин бородкой и шёлковым, красным, дорогим платком на шее. Лицо мужественное, с тёмным загаром, взгляд прямой, твёрдый. На внешней стороне левой кисти – пороховая татуировка в виде оскаленного льва с кинжалом. Он предложил мне выпить и тут же поведал, что зовут его Стив и что он приглашён на корабль в качестве охотника на крокодилов. Что-то мне не понравилось в нём, я чувствовал веяние какой-то опасности и дикой силы, как в своё время от бристольского кузнеца. Одно его присутствие тяготило меня, и я вовсе упал духом, когда нежданный знакомец обратился ко мне с просьбой. Ни много ни мало, он попросил меня представить его мисс Эвелин Бартон! Я мгновенно решил, что не только не буду способствовать его желанию, но всеми силами постараюсь оградить милую, кроткую Эвелин от его странного внимания. Твёрдо и решительно я отказал ему в просьбе, и он, каким-то многозначительным жестом перевернув свою кружку вверх донцем (лев у него на руке шевельнул зажатым в лапе клинком), молча вылез из-за стола.

Я решил ничего не говорить Эвелин о нелепых поползновениях охотника и, наверное, исполнил бы своё решение, если бы не гнусный случай, происшедший на следующий день.

Мальчишкам подарили новое развлечение: охоту на носорога. В команде “Африки” был один чрезвычайно забавный матрос. Моложе меня, лет восемнадцати, почти мальчишка. Но выше остальных был на целую голову, и мало сказать толст – громаден. Силой обладал необыкновенной. На спор в одиночку проворачивал шпиль с якорной цепью и поднимал корабельный якорь. Но в остальном был неуклюж и досадлив; если команду свистали наверх обтягивать паруса, он припускал по палубе, как пушечное ядро, и остальные матросы уворачивались от него кто как мог. Немудрено, что, несмотря на свою силу, он был молчалив, застенчив и робок. Бэнсон. Толстяк. Шотландец. Вот этого-то Бэнсона, о котором шутили, что если ему преподнести шотландскую юбку, то нужно снять все паруса с корабля, сшить и выкрасить в клетку, втайне от Эдда и Корвина переправили на шлюпке к нам на “Дукат” и предложили изобразить этого самого носорога. Добродушный, застенчивый толстяк, получающий забавную игру вместо тяжёлой матросской работы, охотно согласился. Сняв мерку, быстро сшили и натянули на него чехол из куска паруса, а к голове привязали подушку, также обтянутую парусиной, с набитым ветошью громадным рогом. Грозно выпучились на мир нарисованные белые глаза, в зубастой улыбке изогнулся рот. Носорог опустился на четвереньки, сделал враскачку несколько шагов и так уморительно взбрыкнул, что все, смотревшие на него, оглушительно захохотали. Для большего эффекта мы с Нохом закрепили у него на руках и ногах плоские деревянные чурбачки, и тяжёлая носорожья побежка стала сопровождаться дробным грохотом.

Мальчишек поставили у борта и вручили им маленькие, лёгкие луки. Вдоль другого борта припустила трусцой тяжёлая, шумная туша. С визгом, наперегонки, юные охотники пустили по стреле. Стрелы были тупые, без наконечников, но на каждой был намотан кусочек ветоши, который перед выстрелом следовало опустить в баночку с краской: Эдду с жёлтой, Корвину с красной. Теперь на носороге явственно было видно, кто и куда попадал.

Носорог хрюкал. Юные стрелки визжали на весь корабль. Вместе с ними свистели, подпрыгивали и хохотали многочисленные зрители. И здесь, в самый разгар веселья, появился Давид Дёдли, а за ним, с большим луком в руках, шёл Стив.

– Мистер Стив хочет показать, – громко сказал отец мальчишек, – как стреляют охотники на крокодилов!

Все притихли. Стив наложил длинную, тупую стрелу, расставил ноги, отвёл плечо. Усталый, но старательно топочущий носорог припустил по палубе. Дёрнулась тетива. Тяжёлая стрела мощно и зло хлестнула в туго обтянутый парусиной бок. Звонко щёлкнул удар, пятнистую тушу отбросило к борту. Ударившись о стойку, носорог рухнул на палубу и замер. Мальчишки взвыли от восторга. Зрители шумели, хлопали Стива по плечам. Носорог медленно приподнялся и, упираясь покосившимся рогом в палубу, уковылял. Почувствовав неладное, я быстро направился вслед за ним. Бэнсон, с носорожьей головой в руках, сидел, привалившись к рубке. На побелевшем лице его дрожала старательная улыбка. Вместе с двумя матросами мы стащили с него испятнанную жёлтым и красным шкуру, подняли рубаху. На толстом, молочно-белом боку его вспухал багровый кровоподтёк. Подняв глаза, я вдруг увидел лицо Эвелин, искажённое болью и гневом. Вот здесь-то ноги сами поднесли меня к ней.

– Простите меня, мисс Эвелин, – тихо произнёс я и пояснил: – Вчера этот стрелок просил меня представить его вам. Я не стал с ним говорить, но и вам ничего не сказал. Не решился. Простите…

Вместо ответа она грустно улыбнулась мне и, извиняющимся жестом прикоснувшись кончиками пальцев к моей руке, занялась Бэнсоном. Через минуту ему дали выпить рому и приложили к ране большой кусок фланели[19], намоченной в морской солёной воде.

Вдруг рядом с нами появился Стив. На кожаной, без рукавов, куртке у него поблёскивала “медаль” – новенькая золотая монета. Окинув взглядом нашу замолчавшую с его появлением компанию, гневное лицо Эвелин, Бэнсона, сидящего с закрытыми глазами и бутылкой рома в руке, он весело произнёс:

– Что ж, то, что случилось – досадно, я этого не хотел. Но ведь матрос должен быть терпеливым, верно?

Все молчали, и он, чуть помедлив, торжественно снял с груди монету и прицепил её к рубахе Бэнсона. Затем сделал шаг и произнёс:

– Позвольте представиться, мисс Бартон…

Эвелин резко повернулась и ушла. За ней – все остальные. Отошёл было и я, но, сообразив, что Бэнсон остался со Стивом наедине, повернул назад. Не дойдя до них нескольких шагов, я увидел, как Стив склонился, снял с рубахи Бэнсона монету, спрятал её в кулаке и удалился, тихо ступая.

[19] Фланель – мягкая ткань с двусторонним начёсом.

Шторм

Снова потянулись дни, наполненные безмятежным весельем. Уставшие после дневных забав, каждый вечер мы собирались в каюте у близнецов и при свете свечи рассказывали истории: Эвелин – старинные английские сказки, Нох – охотничьи приключения, я же – вычитанные из книг или услышанные от Генри. Странно, но Эвелин часто просила меня рассказать о моей собственной жизни, и тогда все слушали о весельчаке Джонатане, о черепичном цехе, о кузнице, оружейнике, о “дубовых ребятах”. Я и сам не предполагал, что в моей недолгой жизни было так много занятного.

К нашей компании прибавился ещё и Бэнсон. Он ничего не рассказывал, только слушал, но как! Не пропуская ни слова, он то замирал, то хлопал себя ладонями по толстым коленям, то хохотал, то чуть не плакал, и этим веселил нас едва ли не больше, чем иная курьёзная история. Лишь один раз он был центром внимания – когда обнаружилось, что он знает “огами”, забытое, тайное письмо древних ирландцев. Мы упросили его показать.

– Вот, – объяснял он, до слёз смущаясь, – линия поперёк листа. На ней штрихи. Один штрих сверху, прямой – буква “h”. Два штриха – “d”. Штрих снизу прямой – “b”, а длинный штрих сверху вниз – “a”, если же его сделать наклонным – то это “m”… Целых три вечера мы писали друг другу записки на “огами”. Восторгу близнецов не было предела.

Наверное, было бы неплохо, если бы к компании прибавилась ещё и рыженькая смешливая Алис, но она была при отце, “в простом народе”, они нас не касались.

Всё шло хорошо. Вот только приметами пренебрегать нельзя. Примета – существо упрямое. Паруса“ Дуката” и “Африки” мчали нас уже в Индийском океане. Корабли прошли почти три четверти пути, проложенного больше двухсот лет назад Васко да Гамой[20]. И настал день, когда всё рухнуло – игры, забавы, истории. Беда была проста и ужасна: на нас налетел тайфун.

С полудня задул ветер, небо потемнело, грудь океана вздыбилась страшными волнами. К вечеру ураган бушевал уже со всей злою силой.

Корабль швыряло из стороны в сторону. Я лежал в матросской каюте, вцепившись в края своей деревянной кровати, и подскакивал на ней, отбивая бока. Вдруг в дверь заглянул Давид Дёдли и крикнул:

– Томас! Поднимись к Малышам!

Чувствуя неладное, я бросился к лестнице, ведущей на верхний ярус, и где ползком, где придерживаясь за стены, добрался-таки до знакомой каюты. Эвелин проворно одевала мальчишек, а появившийся за моей спиной Нох, перекрикивая рёв и грохот, сообщил, что у корабля сильная течь и детей нужно отнести к шлюпкам, в которые уже грузят бочонки с водой и корзины с провиантом. Словно в подтверждение беды, с “Дуката” выпалили пушки, очевидно, для того, чтобы на “Африке” постарались принять шлюпки. Люди уже забирались в них кто как мог. Мы усадили детей на скамью, укрыли их брезентом, и вдруг корабль дрогнул от страшного удара.

– Чёрт возьми! – отчаянно и зло заорал кто-то из матросов. – Открытый океан, откуда здесь рифы?..

Дёдли, прижимая к груди какую-то шкатулку, собрался было уже спрыгнуть к нам, но от этого толчка шлюпку отбросило от борта, и океан немедленно принялся швырять её вверх-вниз и из стороны в сторону. Снова прогрохотали пушки, но уже так глухо, что я поразился, насколько далеко нас отнесло от корабля за какие-то мгновения.

---

[20] Васко да Гама – португальский капитан, в 1499 году открывший путь вокруг Африки в Индию.

Матросы собрали всех в середине шлюпки, вокруг основания небольшой мачты, набросили на нас брезент и взялись за работу. Шестеро вцепились в вёсла, стараясь разворачивать шлюпку носом к волне, остальные, что было сил, стали черпать и выплёскивать воду. Мне почудилось ненадолго, что время остановилось – в таком я был оцепенении. Скоро, однако, я вернулся к реальности и сменил одного из вычерпывающих воду.

По моим представлениям, нас болтало не меньше пяти часов, когда с носа шлюпки вдруг послышался крик:

– Земля!

Я привстал. Совсем недалеко от нас, то закрываемый волнами, то вновь появляясь, тёмной громадой высился остров.

Глава 5
Изгнанник

Откуда-то появились силы, все тревожно и радостно зашевелились, шире взмахнули вёсла. Но прибавилось и опасливой осторожности, и трепета, и гаданий – “что же, что нас там ждёт? Чем встретит нас, незваных гостей, скалистый страж моря?”

На острове

Волны докатили нас до песчаной косы, матросы выпрыгнули и удержали шлюпку, когда вода, отступая, потащила её назад, в океан. Ещё несколько раз волна доставала нас на берегу, и каждый раз люди использовали её исчезающую силу, чтобы втащить шлюпку как можно дальше на берег. Наконец, мы ступили на твёрдую землю.

Прячась от ветра, все уселись на песок вдоль одного из бортов шлюпки, а мы с Нохом, отыскав среди сваленных в кучу вещей топор, отправились к темнеющему у края косы плотному лесу. С нами пошли двое матросов, и мы принесли четыре охапки веток и сучьев. У кого-то нашлись кремень и кресало, и через минуту мы все уже грелись у костра.

Здесь я рассмотрел, наконец, своих спутников. Девять матросов, один из которых (о, несчастье!) – Стив со своим красным платком на шее. Пара старичков, Мэри и Уольтер Бигли (дворецкий и экономка Давида). Дочь корабельного кока, Алис, а вот самого кока нет. (Алис тихо плакала.) Усталые, мокрые Эдд и Корвин. Затем Бэнсон, Эвелин, Нох и я. Всего восемнадцать человек.

Ветер понемногу стих, небо посветлело. Мы едва успели подсушить мокрую одежду, как вдруг кто-то закричал:

– Смотрите, “Дукат”!

Все вскочили, повернули к морю вспыхнувшие радостью лица, но увидели страшную картину. Примерно в полумиле от берега, на подводных камнях лежал наш корабль. Он был разломлен пополам. Корма возвышалась на рифе, а нос, наклонившись, почти целиком уходил под воду, так что на поверхности торчали лишь острые обломки бортов. На корабле не было видно ни души.

– Быстро разгружаем шлюпку! – властно произнёс Стив.

Всё, что было внутри – корзины, бочонки, сундуки, разный хлам – всё немедленно вытащили на песок. Стив открыл одну из корзин и раздал всем по два сухаря. Затем он громко сказал:

– Герберт!

От кучки матросов отделился коренастый детина с грубым, красноватым лицом и быстро подошёл к нему.

– Возьми ещё троих, и в шлюпку, – приказал Стив. – Пойдём на корабль.

Они уплыли, а мы, грустно переглянувшись, принялись грызть свои сухари.

Туман рассеивался, и вдали, за кораблём, примерно в миле от него, проступили очертания ещё одного острова, большой белой скалы, громоздящейся над поверхностью океана.

Мы принялись заготавливать дрова и понемногу разговорились. Оказалось, что уплывшие на шлюпке пятеро людей давно знакомы и составляют команду охотников, которых кто-то рекомендовал Давиду Дёдли, как таковых.

Охотники вернулись с грустным известием: на корабле не было никого, ни мёртвого, ни живого. Выгрузив привезённые вещи – сундуки, стулья, посуду, одеяла и кое-какие найденные на корабле продукты, они растянулись у костра. Закурив трубку, Стив, не глядя ни на кого, громко сказал:

– Еды мало. Пока не найдём чего-нибудь на острове, есть будем экономно.

Затем он укрылся одеялом, закрыл глаза и уснул. Его товарищи, вяло переговариваясь, сетовали на то, что не взяли с собой топор: некоторые каюты оказались запертыми, в том числе и каюта капитана, а в них тоже могли быть продукты.

Они проспали почти полдня. Океан успокоился. Выглянуло солнце и высушило нашу одежду. Мы занялись очень важным, не терпящим отлагательства делом: принялись сооружать лагерь. Кто мог поручиться за то, что на острове этом, в его мрачных, неведомых недрах

обитают только добрые силы? Поэтому нужно было иметь хоть какое-то подобие защиты в виде простейшего барьера, который отделил бы нас от недалёкого леса, а также укрытие от дождя или ветра. Считалось, что в работах по сооружению лагеря участвуют все, но возводили его в основном трое – я, Бэнсон и Нох. Остальные разделились на две группы – тех, кто что-то делал, когда им на это указывали, и тех, кто просто присутствовал. Последних я назвал про себя "лентяями". Они только глазели, но, поскольку топтались рядом, имели вид помогающих. Может быть, причиной тому было то, что работами распоряжался я, мальчишка, а они, взрослые, бывалые моряки, не хотели входить в подчинение? Но я был чип, корабельный плотник, и одно только это давало мне право распоряжаться. Мне за это платили жалованье!

Мы выгребли в песке порядочные ямы, вкопали столбы, подняли с одной стороны барьер и навесили крышу – для склада продуктов. Расставили вдоль "стен" бочонки и ящики, растянули вверху все, какие нашлись, куски парусины.

В лес далеко не заходили, бродили по краешку. Здесь предостаточно было древесных стволов, толстых ветвей для крыши, сухих водорослей для постелей. Лагерь вышел прочный, надёжный. Это отчётливо ощущалось, стоило лишь войти в его безветренный, сумрачный, ограниченный стенами и крышей квадрат.

Работа тяжёлая, к тому же выполнять её приходилось в ускоренном темпе, но вот новость – как бы она ни оказалась напрасной! В некоем отдалении от лагеря обнаружился сбегающий в океан маленький ручеёк с пресной водой. Было бы уместнее разбить лагерь рядом с ним. Переносить его теперь, что ли?

Завтра решим.

Мы наготовили дров на ночь, установили в очередь караульные вахты и устроились спать.

Пришло утро и принесло с собой то, что ещё раз внезапно изменило мою судьбу.

Стив отправил нескольких человек в лес за дровами. Они вернулись, сбросили на песок хворост. Вдруг Герберт окликнул одного из них:

– Эй, Даниэль! Даниэль, поди-ка сюда!

Тот неуверенно подошёл. А в голосе крепкого, краснорожего моряка было что-то такое, что привлекло внимание всех. Этакая замаскированная угроза.

– Что это? – Герберт уткнул заскорузлый, с въевшейся в кожу смолой, со следами старых порезов морскими шнурами палец в грудь подошедшего.

Я взглянул в их сторону. Вышел из лагеря и быстро приблизился Стив.

– Это ведь хлебные крошки, верно? – продолжал, не убирая пальца, Герберт. – А сухари свои ты слопал ещё вчера, я видел. Откуда же крошки?

Даниэль попятился, вздрогнул, наткнувшись спиною на Стива.

– Вчера съел не все! – достаточно ровно и даже удивлённо-добродушно ответил он, но рука его подвела: коротко дёрнувшись, пугливо и быстро смахнула крошки с отворотов матросской куртки.

– А ну, подними ручонки-то вверх, – продолжил, держа палец на манер пистолета, Герберт.

Даниэль, багровея, вытянул в стороны руки, а стоящий сзади Стив умело и быстро принялся обшаривать его карманы. Ничего. Пусто. Обняв его под мышками, Стив дотянулся, расстегнул пуговицы его куртки, провёл ладонями по карманам штанов и животу. Потом вдруг резко дёрнул конец кожаного пояса Даниэля. Пряжка щёлкнула, расстегнувшись, и Стив тотчас ремень отпустил, и из-под рубахи к ногам вывалились сухари и несколько кусков копчёного мяса. Повисла тишина. Молча стояли вокруг нелепо растопырившего руки Даниэля суровые люди. Стив ушёл в лагерь, чем-то там погремел и вынес на свет корзину с отрезанным наполовину от боковых прутьев дном.

– Ножом поработано, – спокойно сообщил он.

– Да ты бы хоть копчёное-то мясо не брал, – криво улыбаясь, проговорил Герберт. – Его же запах за милю учуять можно!

Даниэль опустил руки, хотел что-то сказать, но Герберт не дал. Да, сноровка у него была. Я не уловил движение его кулака, услышал уже сам удар и увидел, как Даниэль рухнул на изрытый ногами песок.

– Эй, полегче! – неожиданно для себя самого выкрикнул я. – Здесь женщины!

– А ты кто такой? – повернулся ко мне начавший распаляться матрос.

– Корабельный плотник, если вам ещё не известно, – резко выговорил я, подняв на уровень лица и опустив ладони с мозолями. – А вот вы – что же, и судья, и палач?

– Да он вор! – возвысил голос, нагнетая в него ярости, Герберт. – Ты что, плотник, станешь заступаться за вора?

– Томас прав! – вдруг кто-то перекрикнул его.

Я взглянул. Это Эвелин. Подходит поближе, с лицом сердитым и твёрдым.

– Прав! Если украл – надо наказать. Но наказать, подумав, как. А не избивать для собственного удовольствия!

– А мы и накажем, – сказал негромко, но с металлом в голосе, оставивший разрезанную корзину Стив. – Обойдёмся вот только без женских советов!

– Мисс Эвелин, – подчёркнуто уважительно, поспешив смягчить тон Стива, проговорил я. – Прошу вас, уведите в лагерь старушку, Алис и мальчиков. Здесь им быть – не совсем хорошо. Здесь, как видите, дело скверное.

– Это разумно! – громко поддержал меня Нох. – Пожалуйста, окажите любезность, мисс Бартон!

Эвелин кивнула, взяла за руки стоявших поодаль мальчишек и быстро пошла к лагерю, кивнув на ходу уже Алис, которая, в свою очередь, потащила туда же старичков – Биглей.

– А накажем мы просто, – неторопливо и властно проговорил Стив.

Он подошёл, взглянул на сидящего, размазывающего по лицу кровь Даниэля.

– Вору перестанем выдавать еду. Навсегда. Полностью. Пусть кормит себя, как умеет.

– Правильно! – поспешно и радостно одобрил Герберт.

– Но ведь, – я в изумлении смотрел на них, – это же смерть! Он же умрёт, он не сможет!

– Тут, плотник, нет ни судьи, ни тюрьмы. Тут положенье суровое! – сказал, как будто даже насмешливо, Стив. – Да, здесь украсть еду – всё равно что убить. И он начал первым.

– “Всё равно что убить” и “убить”, – это разные вещи! – твёрдо выговорил я. – И вы, мистер Стив, единолично решаете такого вот рода вопросы? Как будто вся наша еда – ваша собственность?

– Зачем же единолично, – сказал он, прищурив глаза. – Решим сообща.

– Все решим? – уточнил я, понимая, как настроены ушедшие в лагерь.

– Нет! – непреклонно, и даже вроде как зло, заявил Стив. – Только мужчины.

Быстрым взглядом блескучих, коричневых глаз он окинул молчащих матросов.

– Давайте, ребята. Кто за то, чтобы оставить вора без еды, подходите сюда.

Герберт тотчас приблизился, кто-то из матросов тоже пошёл, кто-то топтался на месте. Пятеро охотников сошлись почти сразу. Ко мне подошли Нох и Бэнсон. Оставшиеся трое (если не считать не участвующего в принятии решения Даниэля) матросов разделились так: двое – к ним, один – к нам. Конечно, они колебались, но не колебаться здесь было трудно: пятеро охотников, давних друзей, были силой.

– Четверо против семи, плотник! – подпустив в голос скорби, сообщил Стив очевидный расклад. – Даже если быть до конца щепетильными, и пригласить мистера Бигля, то его голос ничего не решает. Нас всё равно больше. Значит, вор еды не получит.

– Значит, он через неделю умрёт.

– Ну и поплачь над ним, если хочешь! Ты уже ничего не изменишь. Решили свободно, без подкупа и угроз. Так, как я и сказал с самого начала. Вопрос решён.

Стив повернулся, чтобы уйти.

– Нет! – холодея от принятого решения, остановил его я. – Не решён.

– А что такое? – с угрозой, с готовностью качнулся ко мне Герберт.

– Моя доля еды – она ведь законна?

– Не спорит никто, – сказал, после секундной паузы, Стив. – Не пойму, чип, к чему ты ведёшь?

– Я свою долю уступаю ему, – как можно спокойнее выговорил я и кивнул на сидящего Даниэля.

– Ты что, с ума сошёл? – уставился на меня вытаращенными глазами Герберт. Потом стремительно развернулся к своим: – А?

– А ты думал, – я уже почти кричал, дрожа от негодования, – мне кусок в горло полезет, когда он будет рядом умирать? Моя доля – ему. Вот *теперь* вопрос решён.

– Его право! – быстро выкрикнул Стив, и эта его поспешность обнажала его опасение в том, что я могу передумать.

– Да! Сдохнет один или сдохнет другой – какая нам разница! – воскликнул весело Герберт.

– Есть разница, – решительно направляясь к кромке воды, выговорил я. – Он не сможет выжить один. Я – смогу.

– Томас, что ты задумал? – тревожно спросил спешащий за мной Нох.

– Возьму запасное весло, – ответил я, – доберусь до корабля, смастерю плот. Там должны быть мои инструменты. Потом уплыву на Белый остров, построю хижину. В воде есть рыба, в лесу – растения. У меня есть руки. Сколько у нас запасных вёсел? Два?

– Только тронь вёсла! – заорал Герберт. – Это наши вёсла! А если ты такой важный чип, сделай себе новое!

Я только махнул рукой. Стиснул зубы, бросился в воду и поплыл к кораблю.

Волшебный сундук

Я сразу же заставил себя успокоиться и плыл ровно, экономя силы. Когда ноги мои нащупали скрытый под водой пол коридора, я подумал, что вполне мог бы проплыть ещё столько же.

И вот, я был на корабле. День только начался, и у меня было достаточно времени, чтобы поискать продукты и самые необходимые для жизни вещи.

Мне запомнилось, что матросы не смогли открыть двери нескольких кают. Я же мог бы сделать это без труда, стоило лишь найти мои инструменты.

Место, где я их хранил, находилось в нижнем, полузатопленном ярусе. Я вошёл, вернее, вплыл в него: вода доходила мне до груди. Во время шторма все вещи сдвинулись и перемешались, и мне пришлось изрядно понырять в чёрную, солёную воду, прежде чем я нашёл сундук старого плотника. Я протащил его под водой до коридора, затем по коридору до самой лестницы. Но когда, переставляя со ступеньки на ступеньку, я приподнял его над водой, он стал таким тяжёлым, что его едва можно было передвигать. Не догадавшись взломать замок и вынести содержимое на палубу по частям, я совершенно измучил себя, пока поднял его наверх.

Состояние моё было скверным. Кисти рук и колени противно подрагивали от напряжения, перед глазами всё покачивалось. Очень хотелось пить.

Немного отдышавшись, я вставил деревянный брусок в дужку замка и вывернул его вместе с петлями.

У старого плотника была душа антиквара[21]. Как хорошо я понимал внутренний мир таких людей! Я и сам, признаюсь, подвержен этой страсти, этому необъяснимому наслаждению, которое проявляется стеснением в груди и трепетом в пальцах при виде какой-либо древней, не из нашего века вещицы, невесть каким чудом дотащившейся до наших дней. Может быть, хранимые ими картины потерянных лет придают им значительность, и их молчаливость становится приобретающим исключительное значение фактом, или же что другое – есть, право же, есть какая-то сладкая, мистическая тайна в том, как притягивают иных людей такие предметы.

Старинные вещи противопоставляют себя своим современным братьям – и выигрывают борьбу за наше предпочтение с лёгкостью необыкновенной. Неважно, какого рода эти предметы – или это курительная трубка, или перстень, – да что угодно, – изъеденный ржой и плесенью подсвечник, витиеватый иссушённый стул, пожелтевшие игральные кости… Такие вещи разыскиваются с достойным примера усердием, чистятся, отлаживаются, очень часто отбираются у близкой смерти и затем пополняют собой коллекции.

Конечно же, у каждого антиквара своя мелодия. Кто-то избирает предметом своей страсти часы, кто-то монеты, или фигурки из слоновой кости, или столовое серебро…

Мой плотник собирал и хранил старинные инструменты.

Сначала я вынул и поставил на палубу плоский футляр с множеством отделений, в котором лежали россыпи мелких металлических предметов – иглы, шильца, свёрла, буравчики, железные и медные гвозди. Затем из сундука появился точно такой же футляр, но с отделениями побольше, в котором покоились отвёртки с пожелтевшими костяными ручками, несколько ножниц, щипчики, клещи, железные линейки. Кроме того, здесь были синеватые жестяные коробочки (я их не открывал), зубильце, крохотные напильнички с ручками в виде гранёных шариков, тиски, резцы по дереву и молоточки. Лежала ещё тут странная проволока – свёрнутая в тугой моточек металлическая блескучая нитка с острыми насечками по

[21] Антиквар – человек, собирающий старинные вещи, знаток древностей.

всей длине. На концах её были закреплены два костяных шарика с ноготь величиной. Я не сразу догадался, что этой “змейкой” можно легко перепилить, например, дубовый тюремный засов.

Я продолжал опустошать сундук, и на свет появились долота с полированными дубовыми рукоятками и стамески с металлическими бочонками вместо ручек. За ними шли четыре буковых рубанка разной величины, два коловорота, бурав и уровень в виде бруска лакового красного дерева со стеклянной трубочкой в центре, наполненной прозрачной жидкостью, в которой покачивался воздушный пузырёк. Ещё я достал ножницы с длинными ручками и широкими лезвиями – для резания жести; круглый точильный камень; похожую на большую книгу деревянную шкатулку, в которой оказались двенадцать напильников разного сечения с ореховыми рукоятками. К этому всему прибавились небольшой тигель[22] и паяльник в виде головы птицы на длинной железной ручке.

Каким-то чудом один лишь вид этих бесценных предметов избавил меня от слабости и головокружения. Я подумал, что никому на всём свете эти вещи не были так необходимы, как мне, и нигде не были бы так уместны, как здесь, в моих руках. Теперь я мог смело отправляться на Белый остров, чем бы он меня ни встретил. Я мог сделать любые приспособления для охоты, для собственной защиты, для возведения жилья и обустройства быта. Если же судьбой мне определено жить там долгие годы, то мне будет чем занять свои руки, чтобы не сойти с ума.

Наконец, уже на самом дне сундука, под скрученными в мотки кожаными шнурами, открылись два ящика с выдвижными крышками. Они были заполнены всевозможными железками – от разной величины винтиков и часовых колёс до кусочков олова и канифоли. В одном из них, поверх всей этой мелочи, лежало большое круглое кольцо с надетыми на него ключами.

Это были запасные ключи от всех корабельных кают.

Схватив эту находку, я бросился вниз, запинаясь о разложенные на палубе инструменты.

[22] Тигель – железный стакан с очень толстыми стенками, расширенный книзу, наподобие турецкой кофеварки, в котором плавят любой мягкий металл.

Сокровища каюты

После солнечного света глаза в тёмном коридоре почти не видели, и дверь каюты капитана я отыскал наощупь. Без труда подобрав ключ, я отомкнул замок. Дверь тихо скрипнула, раскрываясь.

В каюте было светло, так как шторки на обоих окнах были раздвинуты. Пол усеян вещами, попадавшими вниз во время шторма. Здесь были бумаги, обувь, шляпы, постельное бельё, подсвечник, столовые приборы.

Я сделал шаг и вдруг, среди этого беспорядка, увидел предмет, к которому наклонился с застучавшим бешено сердцем. Это была большая медная фляга в чехле, как мне показалось, из рисовой соломы. Я свинтил крышку и вытащил пробку. Во фляге плескалась вода. Она была тёплой и имела металлический привкус, но никогда ещё я не пил с таким наслаждением – ведь с самого утра мне не довелось сделать ни одного глотка. Несколько раз я отрывался, переводил дух и прикладывался снова. Затем налил немного в ладонь и смыл пот с пылающего лица.

Ладонью забив пробку на место, я положил флягу на кровать и огляделся. Над кроватью на стене висели два пистолета! Два! Моих! Пистолета! Белое серебро на чёрном дереве рукоятей! Изъяв их из проволочных петель, я подошёл поближе к окну.

Пистолеты были, к моему крайнему огорчению, не заряжены. Я положил их на стол. Вздрогнул, когда железо гулко стукнуло о дерево.

Стол находился под окнами и занимал всё пространство от стены до стены. Размеры его говорили о том, что его собирали здесь, внутри каюты. Массивный, затейливый дубовый столище, инкрустированный красным деревом. В левой тумбе находились два выдвижных ящика – один вверху, под столешницей, второй внизу, у самого пола. Между ними же была большая двустворчатая дверца. В правой тумбе под столешницей располагались в ряд три одинаковых маленьких ящичка. Под ними шпалерой выстроились ещё четыре, точно таких, как в левой тумбе. И у пола, внизу, был во многих местах поцарапанный, с попорченной инкрустацией, большой ящик, скорее похожий на сундучок. Ещё один ящик находился между тумбами, под столешницей.

Все они были снабжены массивными железными накладками с узкими замочными скважинами, и только три из них – верхние в правой тумбе – были не заперты.

По очереди выдвигая их, я выложил в аккуратный ряд содержимое. К лежащим на столе пистолетам добавились серебряные часы с толстой цепью, две бритвы, мыльница, коробка с мелом для чистки зубов, ножницы, футляр с иглами, зеркальце и складной нож с лезвием, хорошо закалённым и наточенным.

Ключей от остальных отделений стола не было. Я окинул взглядом каюту и уверенно подошёл к платяному шкафу. В нём висело несколько камзолов, и из кармана одного из них я достал связку ключей.

Отпирая один за другим ящики, я принялся перебирать их содержимое и всё ценное выкладывать в общий ряд.

В правой тумбе обнаружился набор морских карт. Здесь же, среди линеек и циркулей, лежало сокровище: большое увеличительное стекло в костяной оправе, с костяной же ручкой. (Выкладывая его на стол, я поздравил себя с тем, что проблема добывания огня для меня решена.)

В следующем ящике я обнаружил изрядное количество бумаги, перья и три флакона с чернилами. Здесь ещё был приличных размеров блокнот в кожаном переплёте, с чистыми страницами. Переплёт имел маленькие петли и защёлку, скрепляющую края обложек.

Затем, подобрав и использовав следующий ключ, я выложил коробку с лекарствами, бутылку с машинным маслом, маслёнку, пять свечей, деревянный футляр для моего увеличительного стекла, оклеенный внутри зелёным бархатом, компас, пару курительных трубок (одну даже с золотым кольцом на мундштуке), несколько пачек табаку и длинную, плотную бумажную трубку, заполненную смесью графита и глины. (Постепенно обкусывая краешки бумаги, трубкой можно было писать, не пользуясь чернилами. Выдумка для чистюль, не желающих пачкать пальцы грифелем.)

Здесь же лежал свёрнутый в мягкий и толстый валик Юнион Джек, сине-красный британский флаг.

Наконец, я отомкнул нижний, самый большой ящик. Вытянув его из тумбы, я замер. Сердце забилось сильными и частыми ударами. В нём были четыре большие жестянки с порохом, две – с пистолетными пулями, несколько коробок с капсюлями и толстый «каретный» пистолет с двумя короткими стволами.

Выложив всё это на стол, я отмерил порох и зарядил снятый со стены пистолет. Затем вставил капсюль, вытянул руку и спустил курок. Пистолет дёрнулся и неожиданно сильно ударил в руку. От грохота заложило уши. В бортовой стене, рядом с окошком, появилось пробитое пулей отверстие, в которое тут же проник солнечный луч. Он пронзил медленные волны синеватого вкусного дыма, заполнившего каюту, и там, где эти волны протекали через него, они вспыхивали живым мерцающим светом.

Дрожащими от радостного возбуждения руками, просыпая порох на стол, я зарядил все три пистолета – только что выстреливший, с гранёным и длинным, слегка тёплым стволом, его близнеца со стены, и двуствольного толстяка. Затем отошёл к кровати, взял флягу и выпил воды.

Открыв окна, чтобы выветрить запах пороха, я принялся обследовать левую тумбу стола. Нижний ящик оказался пустым, хотя и его пришлось отмыкать. В верхнем же лежали письма, засушенные цветы и немного денег. Это не представляло для меня ценности, и я задвинул ящик назад.

И вот я раскрыл дверцы. Оттуда ударил мгновенно оглушивший меня густой, пьянящий, мучительно знакомый запах. Я протянул руку и вытащил из тёмного проёма несколько колец копчёной колбасы. Судорожным движением отломив кусок (вкусно щёлкнула лопнувшая оболочка), я развернул бугорчатую, изогнутую палку обнажившейся сердцевиной к себе и мгновенно нахватал полный рот. Боль ударила в челюсти. В прижмуренных глазах соткалась горячая, влажная плёнка. По каюте поплыл сытный чесночный запах.

Перетерпев быстро прошедшую боль гастрономических судорог, я, лихорадочно принявшись жевать, продолжил обследование.

Два ряда бутылок, стоящих в специальных гнёздах вдоль стенок. Короб с халвой, короб с изюмом и ещё один – с кусками сахара. (На коробах наклёпаны тонкие железные полоски, кое-где помеченные крысиными зубами.) Четыре бочонка с мёдом. Жестяная коробка с кусками засохшего хлеба. Пара глиняных кувшинов с малиновым вареньем.

Не переставая стремительно уничтожать колбасу, я выдвинул из-под столешницы последний, самый широкий ящик. Здесь опять же были письма, денежные счета, немного монет, и на самом дне, под бумагами, открылись два предмета, которые я достал с трепетом, медленно и осторожно. Это были Библия и серебряное распятие величиной в ладонь. Аккуратно поместив их на столе пред собой, я отложил огрызок колбасы с верёвочным хвостиком, крепко вытер рукавом рот и, закрыв глаза, произнёс по памяти несколько молитв.

Потом я плакал и не пытался бороться с этим.

Успокоившись, я хотел было почитать что-нибудь из Библии, но вдруг острый укол ощущения опасности заставил меня это занятие отложить.

Глава 6
Порох и сталь

В памяти всплеснулся вдруг тяжёлый и беспощадный удар кулака Герберта, и я торопливо продолжил поиски. И не напрасно! Немыслимые сокровища таились здесь, в тихом и сумрачном брюхе разбитого корабля, в ожидании, как казалось, именно моего взгляда и прикосновения именно моих рук.

Новые находки

Окинув взглядом лежащее на столе богатство, я подошёл к платяному шкафу. Вся одежда была явно велика для меня, однако я отобрал кое-что из платья и забрал всю обувь – несколько пар добротных башмаков и пару высоких сапог. Всё это я сложил на расстеленное на полу одеяло и связал в узел.

В шкафу, у задней стенки, за висящей одеждой я обнаружил ещё несколько ценнейших в моём положении предметов! Здесь стояли, стволами кверху, охотничье ружьё и мушкет, а на крючке над ними висела сумка с крупными мушкетными пулями! Внизу, между ружейных прикладов, стоял объёмистый бочонок с порохом!

Здесь же находились две шпаги, а рядом с ними – огромный причудливый нож.

Он был похож на короткую саблю с широким лезвием очень странной формы. Верхняя, обуховая грань его имела как бы ступеньку: от рукояти на шесть дюймов – прямо, затем резкий порожек на дюйм вверх и снова прямо, до самого кончика. Нижняя же, острая, грань изгибалась в виде волны. Под рукоятью резко вниз, затем кверху, как бы образуя зуб акулы, затем плавно опять вниз, сильно расширяя лезвие, и в конце – круто вверх, к кончику. Рукоять прямая, длинная, на две ладони. Между рукоятью и лезвием – круглый диск гарды[23]. В руке нож сидел удобно и прочно. Он с успехом мог служить и саблей, и топором. Я махнул им, имитируя рубящий удар. Не очень тяжёлый, нож свистнул, рассекая воздух и, выворачивая кисть, едва не вырвался из ладони.

Я осмотрел его внимательней, с какой-то даже опаской. Сочетание веса и пропорций – чарующе соразмерно. Лезвие – странного тёмно-зелёного цвета. Отполировано до зеркального блеска. Длина двадцать дюймов, ширина в самой широкой части – четыре дюйма, у рукояти – два. По обеим сторонам выбит знак в виде бегущей крысы. Хвост у крысы изогнут, в точности повторяя нижнюю линию лезвия. А вот это уже совсем странно: лезвие заточено лишь с одной стороны. Поразительная редкость. Бритвенная заточка! Её ставят на инструментах, да и то не на всех. Заточенное с одной только стороны, лезвие имеет угол в два раза острее, чем при обычном двустороннем способе. Такие инструменты предназначены для особо трудной и сложной работы. Для какой же работы справлен этот вот нож, если не для работы по крови? Хищный предмет. От него веяло даже какой-то магией.

Я положил нож и шпаги в узел с одеждой и вынес на палубу.

Шпаги тоже оказались нешутейным оружием. Это были не те сверкающие и лёгкие рапиры, которые носят дворяне и придворные щёголи, нет. Настоящие, тяжёлые, с широким и длинным клинком боевые шпаги, с добавочной третьей гранью на боку, вдоль всего лезвия. Кажется, я читал это у любимого мной Шекспира: “И кровь течёт из треугольной ранки…” Не всякому фехтовальщику боевая шпага по руке, не всякому.

На палубе, рядом с инструментами, я сложил вещи, собранные в каюте. Затем спустился вниз и принялся наводить порядок, чтобы не было видно, что здесь кто-то хозяйничал.

Ящики стола я решил не запирать – Стив обязательно вскрыл бы их, а мне не хотелось, чтобы прекрасный стол был изломан. Я навёл некоторый порядок в нём, выложил на видное место деньги, задвинул ящики и какое-то время вертел в руках кольцо с ключами, соображая, что же с ними делать.

Вдруг возникло ощущение какого-то несоответствия, и я принялся ловить ускользающую догадку. Наконец, я сообразил, какая именно странность стала причиной этому ощущению. В столе было одиннадцать ящиков и дверца. Замков, следовательно, двенадцать.

[23] Гарда – кистевой упор на рукояти в основании клинка.

Ключей же (я быстро пересчитал), – пятнадцать. Я снова внимательно осмотрел стол и обнаружил в нижнем левом ящике, который вначале показался пустым, ещё одно, потайное отделение. К дальней стенке была привинчена узкая металлическая шкатулка, шириной три и высотой четыре дюйма. Один из ключей подошёл к ней и, откинув крышку, я увидел в трёх её отделениях разного достоинства монеты, две золотые цепи и золотое же кольцо с двумя крупными камнями – зелёным и красным.

Деньги я оставил, а золото забрал.

Принадлежность ещё одного ключа определилась быстро: он запирал дверцу платяного шкафа. А над последним пришлось напряжённо подумать. Наконец, я догадался заглянуть под кровать! Там, притянутый ремнями к стене, стоял небольшой сундук с висячим замком. Я вытащил его и открыл.

Вдоль задней стенки сундука помещался свёрнутый вдвое и поставленный на ребро пояс, в котором в маленьких кармашках лежали сорок две золотые монеты. Вдоль передней стенки вытянулся толстый цилиндр подзорной трубы. Пространство между трубой и поясом занимала жёлтая сумка из толстой кожи с широким ремнём. В ней очень плотно были уложены четыре пакета с сухарями, мешочек с солью, бутылка рома и серебряный стаканчик. К крышке сундука, изнутри, было пристёгнуто ремешками свёрнутое одеяло из беличьего меха, обшитое с одной стороны непромокаемой парусиной.

Сама судьба приглашала меня отметить величайший, наверное, праздник в моей жизни. Я открыл бутылку и дважды отведал изумительного, терпкого, жгучего рома.

Запечатав бутылку, я всё сложил назад в сундук и вынес его в коридор. Осмотрел каюту, – не осталось ли каких следов, заткнул тряпицей дыру от пули и, замкнув дверь, потащил сундук наверх, в общую кучу. Здесь я уселся поудобнее и принялся вытирать насухо и чистить металлические части инструментов. Время от времени я устраивал отдых. Спускался в тёмное чрево “Дуката”, изучал расположение кают, высматривал ценные для меня вещи. Кое-что уносил наверх, всё в ту же кучу. Ел что-то наскоро, запивал вином или ромом. (Воду берёг.)

День уходил. Солнце опускалось над горизонтом, и море в том месте стало багровым. Воздух сделался прохладным. Появился ветерок. Я оторвался от своих занятий. Встал, огляделся.

Передо мной на палубе лежало *моё* добро. Оно раскинулось бесформенной грудой, из которой вещи показывали мне свои краешки, таинственно намекая о богатстве, которое скрыто от взгляда, но всё же никуда не исчезло, а покоится там, внутри.

Сундук старого плотника являл мне кованую висячую ручку на своём боку, массивную и вместе с тем изящную; приземистые короба со сладостями бугрились металлическим кружевом оковки; рукав капитанского камзола свешивался из узла с одеждой и посверкивал золотым позументом; из этого же узла торчала ребристая рукоять зелёного ножа – Крысы. Сурово поблёскивал длинный мушкет, лежащий на узле. Гранённые стволы пистолетов, погружённые в чёрные деревянные ложа, были молчаливы и многозначительны. Россыпь инструментов притягивала взгляд блескучей рябью заточенных граней. Ряд кувшинов с вареньем и мёдом замыкал бочонок с порохом, который был настолько живописен с небрежно брошенными на него картой и шпагами, что от этого корсарского символа веяло даже некоторой бутафорией[24].

Отдельной компанией стояли: жёлтая сумка с подзорной трубой, сухарями и поясом с золотыми монетами (бесполезными в моём положении монетами, которые, тем не менее, не переставали быть золотом). Медная фляга, в которой оставалось не меньше галлона воды.

[24] Бутафория – искусственные предметы, лишь внешне похожие на настоящие. Бродячие циркачи, например, часто используют бутафорские гири, которые только кажутся тяжёлыми, а на самом деле – внутри пустые.

Двенадцать бутылок с вином. Бутылка с ромом. Опустевший сундук из-под кровати. На нём – тёмной башенкой – кольца колбасы.

Наконец, моему взору явился британский флаг, вид которого в сочетании с выпитым ромом придал моему обозреванию сокровищ торжественность и сентиментальность.

Это чувство, однако, было мимолётным. Существо моё не выдержало напряжений сегодняшнего дня, и через несколько мгновений со мной произошло что-то вроде нервного срыва.

Внутри поднялась вдруг волна буйного ликования. Я принялся прыгать вокруг моей кучи сокровищ, вскрикивая и размахивая руками. Помнится, я подбрасывал вверх и ловил пистолеты, хватал мушкет и целился в сторону берега, называя Стива нехорошими словами. Я вытащил из ножен шпаги и, выставляя вперёд то левую, то правую ногу, наносил этими шпагами удары в воздух перед собой. При одном из таких выпадов я влез в середину винных бутылок, и они зазвякали, раскатываясь по сторонам.

Выбившись из сил, я присел возле сундуков, чтобы перевести дух, и не заметил, как уснул.

Дело не ждёт

Настало первое утро моей новой жизни. Начавшее припекать солнце и жёсткие доски, отдавившие плечо, разбудили меня.

Я сидел среди своего царства, с наслаждением почёсывал щёки, покрывшиеся короткой и колкой щетиной, и вспоминал, было ли в моей жизни более счастливое утро, чем это. Нет, никогда не было ощущения такого тихого и беззаботного счастья! Если бы я сказал, что силы мои удвоились – я бы не солгал. Лёгким толчком ладони о палубу я поднял себя на ноги и шагнул в свою новую жизнь.

Напевая детскую песенку про скачущих лошадок, я протёр стёкла подзорной трубы и осмотрел берег. Синяя гладь воды, жёлтая полоса песка и серое пятно лагеря на ней. Палитра моего сладкого утра.

Никакого движения в лагере я не заметил. Все спали среди сундуков и бочек. Над костром, однако, поднимался дымок: за огнём следили.

Отложив трубу, я умылся морской солёной водой и напился из фляги. Итак, я жив. И что дальше?

Прежде всего, необходимо спрятать мои сокровища. В том, что их у меня попытаются отнять, я не сомневался: слишком ценными в нашем положении были эти находки. И, хотя у меня имелись заряженные пистолеты, ружьё и мушкет, я предпочёл бы не обнажать ни одного ствола, как можно дольше поддерживая видимость мирных отношений.

Решение пришло быстро. Ящик для крокодилов во время всего путешествия пустовал, и сейчас, когда я, подняв крышку, заглянул внутрь, то обнаружил лишь несколько мотков верёвок. Выбросив их на палубу, я принялся прятать своё имущество. В одном углу поставил большой матросский сундук и сложил в него всё съестное. В другом – сундук старого плотника и инструменты. Оставшееся место заняли узел с одеждой (рукоять ножа торчала из него, словно палец чудовища), капитанский сундучок, шпаги, бочонок с порохом и все предметы, найденные в столе. Поверх всего я положил ружьё, мушкет и пистолеты. Свой столярный ящик оставил на палубе. Подумав, положил в него два пистолета (чтобы всегда были под рукой), укрыв их на самом дне; пакет с сухарями, кусок колбасы, опустевшую бутылку из-под вина, наполненную водой. Можно было приниматься за работу.

Верхний обломок мачты с уцелевшей реей наискосок лежал на корме. Нижним обломанным концом он упирался в риф, а верхним, в виде огромного креста, нависал над водой по другую сторону кормы. Мачта лежала почти горизонтально, так, что по ней можно было ходить. Я взял топор и вскарабкался на неё.

Передвигаясь на корточках, за какие-то полчаса я обрубил все остатки канатов и обрывки парусов. После этого взял большую пилу и принялся отпиливать от реи примерно равные куски. Перед тем, как обрушить очередной кусок в воду, я вбивал гвоздь и привязывал к нему верёвку, второй конец которой закреплял на палубе.

За пару часов я распилил рею на восемь частей – по четыре с каждой стороны. Ещё два куска отпилил от верхушки мачты. Таким образом, к полудню в воде покачивались десять брёвен, к которым с корабля тянулись верёвки, не давая им уплыть.

Вдруг послышались голоса и плеск вёсел. К кораблю подплывала шлюпка. Страх и тревога охватили меня.

Бескровная схватка

Строите лодку, мистер Том? – крикнул, привстав со скамьи, Малыш.

В ответ я лишь вяло махнул рукой, изображая приветствие. Взял точильный брусок, отошёл к краю палубы и принялся затачивать лезвие топора.

Шлюпка пристала. Внизу, под палубой, деловито засновали люди, заскрипела передвигаемая мебель. От шлюпки и из-под палубы доносились голоса, и они держали меня в напряжении.

Вдруг я услыхал своё имя!

– Возьми у Тома пилу, – говорил кому-то Стив.

Послышались тяжёлые шаги, и на палубе появился Герберт. Лицо его раскраснелось, на широком носу блестели капли пота.

– Том, где пила? – почти выкрикнул он и, не дожидаясь ответа, направился к моим инструментам.

Герберт был уже возле столярного ящика, как вдруг меня пронзила мысль: “Он увидит пистолеты!”

Уронив точильный брусок, не помня себя, я бросился к нему. Герберт обернулся на шум, и ужас исказил его лицо. Очевидно, увидев меня, бегущего с топором в руке, он подумал о чём-то страшном. Отпрянув назад, он запнулся о верёвки и, падая на спину, дико закричал. В ту же минуту палуба наполнилась людьми.

Четверо стояли поодаль, с опаской глядя на топор со сверкающим лезвием, пятый, полулёжа на спине, отползал к ним, отталкиваясь пятками и локтями.

«Ну, вот и мои враги», – внутренне холодея, сказал я сам себе.

– Только пилу хотел! – кричал срывающимся голосом Герберт. – Только пилу хотел!..

Толстое, красное лицо его было искажено, губы дрожали. Стоящие на палубе молчали, их взгляды пронзали меня. Кто-то наклонился и помог Герберту встать на ноги.

– Вот значит как, мистер Том, – недобрым голосом сказал Стив.

– Всё правильно, – вдруг отозвался один из матросов. – Это его пила.

Стив быстро взглянул на него, но смолчал и снова обратился ко мне:

– Нам нужна пила, мистер Том.

И я начал смертельную игру. Опершись ладонью о край крокодильего ящика, я вспрыгнул на него и сел, свесив ноги. Оттуда, сверху, я сказал:

– Вчера мне нужно было весло, мистер Стив. Дали вы мне его?

Я взял свой столярный ящик и поставил к себе на колени.

– Дали мне его?! – повторил я, и голос мой зазвенел. – Нет, мистер Стив. Мне предложили сделать его самому.

Я принялся вынимать из ящика инструменты и складывать их рядом с собой.

– Вам нужна пила? – продолжил я после маленькой паузы. – Так сделайте её сами.

Из ящика убрались второй топор, молоток, связка гвоздей. Стив зло сузил глаза, но кто-то уже весело хмыкнул, а матрос повторил:

– Это его пила.

Стив окинул спутников взглядом, от которого все притихли, и произнёс:

– Вопрос собственности. Вот, значит, как.

Я выложил бутылку с водой, сухари, колбасу.

– Ну и как же нам решить этот вопрос? – всё с той же угрозой в голосе продолжил Стив.

По нему было видно, что он не отступит, что считает дело уже решённым и просто ждёт удобного момента, чтобы завершить его.

В ящике не осталось ничего, кроме пистолетов. Посеребрённая рукоять легла в ладонь. Неслышно хрустнул взводимый курок. Я почувствовал досаду на себя за недавний страх, а вместе с ней – решимость и злость. С перехваченной у Стива угрозой в голосе, не вынимая руки из ящика, я жёстко ответил:

– Не нам с вами его решать, мистер Стив! – и, не давая ему опомниться, продолжил: – Собственность всегда и везде неприкосновенна. Она или покупается, или обменивается. Вы хотите меняться, мистер Стив? Пожалуйста. Пилу на шлюпку.

Я смотрел ему в лицо. Чёрные волосы, чёрная, тщательно подстриженная бородка, ярко-красный платок на шее. Сложенные на груди тёмно-коричневые от загара руки, вздувшиеся бугры мышц. Карие, блескучие глаза горели едва сдерживаемой яростью.

В воздухе повисла грозная тишина. Впервые я не отвёл глаз перед его взглядом. Одной рукой я придерживал столярный ящик, другой сжимал рукоять пистолета. Ладонь была мокрой.

Стив не выдержал первым. Оглянувшись на своих людей, он прорычал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.